

П. Ф. ВИКУЛ

латино-униатский святой
ИОСАФАТ КУНЦЕВИЧ

с дополнением записки
доктора Сикорского

2021 г. - Проект ЗАПАДНАЯ РУСЬ.
(электронное издание)

П. Ф. Викул

Латино-униатский святой
ИОСАФАТ КУНЦЕВИЧ

С ДОПОЛЕНИЕМ ЗАПИСКИ

доктора И. А. Сикорского

«Реликвии Иосафата Кунцевича»

2021 г. - Проект ЗАПАДНАЯ РУСЬ.

(электронное издание)

Протоиерей Павел Федорович Викул

«Латино-униатский святой Иосафат Кунцевич»
Первоначально издано в 1896 г. в номерах журнала
«Подольские Епархиальные Ведомости» за 1896 год.

Иван Алексеевич Сикорский

«Реликвии Иосафата Кунцевича»
Первоначально издано в восьмом номере
«Волынских Епархиальных Ведомостей» за 1871 год.

Игорь Фёдорович Зеленковский

Редакция и подготовка к изданию.

На обложке изображение униатской иконы Иосафата
Кунцевича с топором в голове XVIII ст.
Из коллекции Г. Татура, Львовский национальный
музей.

ОГЛАВЛЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ.

Страница 6 - Вступление от составителя.

Страница 13 - Сведения об авторах

Страница 20 - П.Ф.Викул

- Латино-униатский святой Иосафат Кунцевич.

Страница 136 - И.А.Сикорский.

- Реликвии Иосафата Кунцевича

ВСТУПЛЕНИЕ ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.

В 2023 году исполняется 400 лет со дня насильственной смерти униатского архиепископа Иосафата Кунцевича (1580 — 12 ноября 1623). Задолго до этой даты, украинские и белорусские греко-католики начали подготовку к торжествам в честь своего святого и «небесного патрона России и Польши», объявленного таковым римским папой Пием IX в 1867 г. Следует отметить, что эта канонизация спустя два с половиной века была чисто политическим актом с целью «досадить» России, в отместку за подавление польского восстания 1863 года, активно поддержанного католиками и униатами, которое сегодня отдельные белорусские историки и общественные деятели пытаются представить как совместное с поляками восстание белорусов против российских властей во главе с еще одним потенциальным «политическим святым», и, якобы, белорусским национальным героем, Константином Калиновским. У Калиновского как и у Кунцевича весьма мифологизированные обстоятельства жизни и смерти, и такая же мутная история недавнего «обретения останков». В 2017 в Вильнюсе на горе Гедемина случайно обнаружили человеческие кости, которые приписали казненным в 1964 году руководителям

польского восстания. Одни из останков, без подтверждения соответствующими анализами и без сравнения с генетическим материалом возможных родственников, были объявлены принадлежащими Калиновскому. 22 ноября 2019 г. в Вильнюсе прошло торжественное перезахоронение этих предполагаемых останков Калиновского с участием официальных делегаций Польши, Литвы и Белоруссии - стран, территории которых когда-то входили в Речь Посполитую, и которое было представлено как масштабная антироссийская акция когда-то поработанных Россией народов. Поэтому следует учитывать, что в 2023 году «удачно» совпадают как раз два юбилея – 400 лет со дня смерти Кунцевича и 180 лет Польскому восстанию 1863 года.

После более-менее подробного знакомства с историей гибели Иосафата Кунцевича и обстоятельств провозглашения его сначала Блаженным в 1641 г. папой Урбаном VIII, а в 1867 г. папой Пием IX святым и покровителем Руси, не покидает мысль, что к религии это все имеет очень отдаленное отношение, и больше напоминает детектив с двойным политическим дном.

До сих пор так и не понятно - каким образом, и чей, до неузнаваемости обезображенный труп, выловили из Двины, объявленный останками Кунцевича. Есть множество свидетельств, что за время «путешествий» по территории Белоруссии, Польши и далее до самого Рима, «нетленное тело» (как это может быть у святого) все-таки

подверглось значительным естественным изменениям. Но главное - так и нет веских доказательств, что «мощи» имеют отношение к самому Кунцевичу, как нет и убедительных свидетельств о чудесах, творимых этим униатским святым.

Однако, следует отметить «чудесное» по-смертное путешествие предполагаемых останков Кунцевича. С 1623 по 1655 год тело Иосафата Кунцевича находилось в захваченном униатами Софийском соборе Полоцка. В 1655 г. после занятия Полоцка русскими войсками, униатский архиепископ Антоний Селява увез тело Кунцевича в монастырь в Жировицах, и далее в Замосце. После возврата Полоцка Речи Посполитой, останки были привезены обратно. После того как Полоцк был занят Петром I, останки отвезены в принадлежавший Радзивиллам г. Белу (Бяла-Подляска), где в 1769 г. поставлены для общего поклонения в униатской церкви святой Варвары. в 1875 году после окончательной ликвидации Холмской униатской епархии церковь святой Варвары была передана под юрисдикцию Русской православной церкви, а оставшиеся части тела Кунцевича были замурованы в церковном склепе.

В 1915 году после отступления российских войск из Бяла-Подляски, немецкими оккупационными властями, храм был преобразован в протестантскую гарнизонную церковь. В 1916 году по просьбе австро-венгерской армии в храме провели раскопки, в ходе которых были найдены «мощи» Иосафата.

Здесь следует остановиться на вопросе почему именно австрийцы занялись вопросом останков Иосафата Кунцевича. Австрийская империя (с 1867 Австро-Венгрия), учрежденная Габсбургами в 1804 году в результате ряда поражений в ходе наполеоновских войн и краха Священной Римской империи германской нации, была правопреемницей этой империи, и считала себя ответственной за продолжение тысячелетнего немецкого «натиска на Восток» (*Drang nach Osten* /Дранг нах Остен) против славян. Основным поводом для перманентного германского «крестового похода» против славян (по всему фронту от Балтики по Эльбе до Адриатики по Драве и Дунаю) было крещение славян по латинскому обряду с дальнейшим их онемечиванием. Таким образом, начиная с VII по XIII столетия были захвачены и затем онемечены земли полабских славян между Эльбой и Одером, за исключением небольшой сегодня (в 50 тысяч) общины лужицких сербов под Берлином (такая же судьба ждала и поляков, вошедших в состав Пруссии и Австрийской империи); из Великоморавской державы в конце IX немецкими епископами были изгнаны славянские просветители Кирилл и Мефодий, в результате чего чехи, словаки и поляки, изначально крещенные в православии, перешли в латинский обряд, и в последующем подчинились Риму и Германской империи; в VIII-IX веках немецкими князьями были

захвачены земли хорутан и образована Австрийская марка, ставшая ядром Австрийской империи, которая в дальнейшем покорила и включила в свой состав земли западных и балканских славян – чехов, словаков, хорватов, сербов, словенцев и частично поляков и русских (подкарпатские русины). Главным союзником и вдохновителем германской колонизаторской «миссии» в славянских землях был папа Римский и католическая церковь, а одним из инструментов духовного растворения с последующей ассимиляцией - церковная уния с образованием греко-католической церкви.

В 1871 году усилиями Прусского королевства, большинство немецких земель с преобладанием протестантов было объединено в Германскую империю (Кайзеровская Германия). В этом предельно рациональном немецком государстве обоснование «натиска на Восток» было упрощено до провозглашения политики завоевания жизненного пространства на Востоке без религиозной составляющей. Эта политика была откровенно апробирована на оккупированных землях Польши и Российской империи еще в ходе Первой мировой войны, и полностью без всяких сантиментов, запущена во время Второй мировой войны Третьим Рейхом, вдохновляемым уже национал-социалистической «религиозной мистикой».

Во время Первой мировой войны Австро-Венгерская империя еще продолжала традиционную тактику поглощения и ассимиляции славянских народов, и в частности русских, через духовное подчинение посредством униатской церкви и окатоличевания. Тогда, в 1917 году, по решению военного руководства австрийской армии, откопанные в склепе в Бело-Подляске «мощи» Кунцевича были вывезены в Вену, где они после развала Австро-Венгерской империи задержались вплоть до Второй мировой войны. После занятия Вены советскими войсками в 1945 году, останки Кунцевича, поскольку могли еще пригодиться в будущем, были «эвакуированы» католической церковью в Рим, и с 1946 года они находятся в базилике св. Петра в Риме. После развала Советского Союза возобновилось наступление Германии на Восток, но уже под камуфляжем овечьих шкур экономических гуманитарных проектов. Не отстал и Ватикан - была восстановлена униатская церковь на Украине и в Белоруссии, а «мощи» Кунцевича стали вновь востребованы в околорелигиозных политических интригах. И вот в 2016 г. во время Будуславского феста папский посланник кардинал Кристоф Шёнборн передал белорусским греко-католикам реликвию - часть облачения святого мученика Иосафата Кунцевича.

О деятельности и обстоятельствах гибели «душехвата» (так его называли современники) Иосафата Кунцевича, который, кроме обычных в

Речи Посполитой убийств и пыток противников унии, еще и запрещал хоронить православных на христианских кладбищах и приказывал разрывать их могилы и выбрасывать трупы, говорится во многих свидетельствах, исторических материалах и книгах¹.

При этом, на наш взгляд, до сих пор, одним из самых объемных и обстоятельных исторических исследований о жизни и деятельности Иосафата Кунцевича является большая работа протоиерея Павла Федоровича Викула «Латино-униатский святой Иосафат Кунцевич», которая была опубликована в нескольких номерах Подольских Епархиальных Ведомостей за 1896 год².

В 2021 году редакция проекта «Западная Русь» собрала из 11 номеров Подольских Епархиальных Ведомостей за 1896 год все части работы протоиерея Павла Викула в один файл PDF³.

---

¹ Среди них отметим некоторые опубликованные на сайте «Западная Русь»:

- М. Коялович «Чтения по истории Западной России».
<https://zapadrus.su/bibli/geobib/ist-zr.html>
- Платон Жукович. «Убийство Иосафата Кунцевича»
<https://zapadrus.su/bibli/arkhib/2021-ubijstvo-iosafata-kuntsevicha.html>
- Алексей Хотеев «Переписка канцлера Льва Сапеги и архиепископа Иосафата Кунцевича». <https://zapadrus.su/bibli/geobib/perepiska-kants-sapegi-i-arkh-kuntsevicha.html>

² "Латино-униатский святой Иосафат Кунцевич". // «Подольские Епархиальные Ведомости». 1899. Ч. Неоф. № 23/24. С. 471-481; № 25. С. 512-520; №27. С. 560-565; №28. С. 588-598; №29. С. 620-624; № 30. С. 650-655; №31. С. 670-675; №32. С. 679-687; №33. С. 695-698; №34. С. 699-707.

³ Открыть по указанной ссылке

<https://drive.google.com/file/d/1QACxRjSMNGp7oEq13zpZIBViOS5FgZEd/view?usp=sharing>

Затем текст статьи «Латино-униатский святой Иосафат Кунцевич» был переведен в современную орфографию и по частям размещен на сайте «Западная Русь»⁴

Поскольку работа Павла Федоровича Викула «Латино-униатский святой Иосафат Кунцевич» изначально вышла в свет частями в журнальном варианте ещё в позапрошлом веке, и, следовательно, в трудной для восприятия современного читателя форме, то к «юбилею» смерти Иосафата Кунцевича проект «Западная Русь» принял решение сверстать и издать отдельную электронную книгу в современной орфографии.

Также в данную электронную книгу вошла, упоминаемая П.Ф. Викулом, записка известного врача Ивана Алексеевича Сикорского «Реликвии Иосафата Кунцевича», о результатах его наблюдений за останками Иосафата Кунцевича, опубликованная в восьмом номере «Волынских Епархиальных Ведомостей» за 1871 год. Доктор Сикорский наблюдал останки Кунцевича еще в униатской церкви Св. Варвары в 1871 году, за три года до того, как церковь перешла к православному, а останки Кунцевича были захоронены в склепе. Эта записка И.А. Сикорского также ранее была переведена в современную орфографию и опубликована на сайте «Западная Русь».⁵

---

⁴ «Латино-униатский святой Иосафат Кунцевич» на сайте "Западная Русь"
<https://zapadrus.su/bibli/arhbib/2281-latino-uniatskij-svyatoy-iosafat-kuntsevich.html>

⁵ Записка И.А. Сикорского на сайте "Западная Русь"
<https://zapadrus.su/bibli/arhbib/2278-relikvii-iosafata-kuntsevicha.html>

Сведения об авторах

Протоиерей Павел Федорович Викул (1857-192?) - кандидат богословия, историк, краевед.

Павел Федорович Викул родился в 1857 году в селе Рахни Собова Гайсинского уезда (ныне село Рахни Гайсинского района Винницкой области) в семье священника. Учился в Приворотском духовном училище, затем в Подольской духовной семинарии. В 1885 году окончил Киевскую духовную академию и защитил степень кандидата богословия. После окончания академии учительствовал в Шаргородском духовном училище. Далее судьба забросила Павла Федоровича на Кавказ. Там он учительствовал в мингрельского и Тифлисской духовной училищах. В 1889 Викул вернулся на Подолье и занял должность священника в селе Черновцы Ямпольского уезда (ныне поселок городского типа, районный центр в Винницкой области). В 1892-1913 годах был протоиереем православного кафедрального собора в Каменце-Подольском. Исследовал историю религии на Подолье, активно печатался в Подольском епархиальном вестнике. В 1893-1903 годах заведовал епархиальной библиотекой. В течение 1890-1910 годов передал много книг, рукописей, памятников старины Каменец-Подольском древнехранилища (ныне Каменец-

Подольский исторический музей-заповедник). С 1914 года - учитель Каменец-Подольского епархиального женского училища и наблюдатель церковно-приходских школ по Каменецкому уезду. Умер в 20-х годах XX века в возрасте около 60-ти лет, обстоятельства смерти неизвестны.

Павел Федорович Викул имел двух сыновей.

- Старший сын - Николай Павлович Викул (3 января 1888, Тбилиси - 14 мая 1935, Прага) – известный ученый-химик, украинский общественный деятель. В 1909-1913 г.г. учился в Варшавском университете (неорганическая химия), где также активно участвовал в украинском студенческом кружке. После 1920 года в эмиграции возглавляет департамент в министерстве вероисповеданий УНР, работает доцентом (1922) и профессором (1928) на кафедре неорганической химии в Украинской хозяйственной академии в Подебрадах (Чехия); участник 1-го Конгресса ОУН 1929 г. в Вене. Его дочь - Оксана Викул (по мужу Воронина) (20 июля 1921, Каменец-Подольский - 21 сентября 2001, США) - балерина. Детство и молодость провела в Праге, где закончила Украинский свободный университет, с 1950 г. жила в США. Славилась исполнением украинских танцев собственной интерпретации в модернистском направлении.

- Второй сын - Сергей Павлович Викул (25 октября 1890, Винница, Подольская губерния, Российская империя — 3 ноября 1937 Сандармох,

Карельская АССР, СССР) украинский общественный и политический деятель, журналист, издатель. Член Украинской Центральной Рады. Жертва большого террора, реабилитирован в 1959 году.

Иван Алексеевич Сикорский (26 мая 1842 г. село Антонов, Киевская губерния, Российская империя — 14 февраля 1919, Киев, УНР) - известный русский психиатр, публицист, профессор Киевского университета Святого Владимира, почётный член Киевской духовной академии. Отец выдающегося русского и американского авиаконструктора Игоря Ивановича Сикорского.

Родился 26 мая 1842 года в селе Антонов Киевской губернии в семье священника. Учился на медицинском факультете Киевского университета св. Владимира, который окончил с отличием в 1869 году. 6 марта 1872 года защитил докторскую диссертацию «О лимфатических сосудах лёгких». Научные труды Сикорского первоначально относились к разным вопросам патологической анатомии, а впоследствии к клинической психиатрии и педагогике. Они опубликованы во множестве русских и иностранных специальных журналах. Написал весьма ценную монографию «О заикании» (Санкт-Петербург, 1889), переведённую также на немецкий язык. Всего учёный написал более ста научных трудов

в разных областях медицины, биологии и педагогики.

Сикорский был также активным общественным деятелем. В разные годы он состоял директором Киевского попечительного комитета по тюрьмам; председателем Юго-Западного общества трезвости; членом правления Киевского общества борьбы с детской смертностью; председателем Киевского общества покровительства лицам, отбывшим наказание и беспризорным детям; председателем Фреблевского общества для содействия делу воспитания; членом правления Общества скорой медицинской помощи в Киеве. Принимал участие и в деятельности Киевского Клуба Русских Националистов (ККРН), где нередко выступал с докладами.

12 ноября 1910 на собрании русских избирателей, посвященном выборам в Городскую думу, Сикорский произнес весьма прочувственную речь, в которой с чувством радости и удовлетворения отмечал то обстоятельство, что городские выборы впервые производились под русским национальным знаменем. Он говорил: «На Киев смотрит вся Россия. Петербург никогда не имел значения руководителя национальной жизни России. Москва после 1905 г. также утратила нравственный авторитет в глазах национально-русского общества. Значение центра русской национальной жизни начинает переходить к Киеву и на киевлянах лежит высший долг перед го-

родом и родиной: мы должны укреплять возникшую здесь русскую твердыню. Пора нам сказать: мы — сыны великого народа и здесь в историческом Киеве, хозяева — мы! Городское управление матери городов русских должно быть русским... Мы должны решительно сказать: мы — русские, и Киев — наш... Я, как человек старый. По сравнению с большинством присутствующих здесь, могу сказать одно: «Я вас благословляю! Идите смело и дружно и никому не уступайте своего первородства»... Состав нынешней думы надо решительно обновить. Необходимо поддержать на выборах купечество. Надо, чтобы Киев богател, но богател, как национально-русский центр...».

Скончался в Киеве вскоре после захвата его большевиками и начала страшных чекистских злодеяний, когда был уничтожен весь цвет русской национальной интеллигенции.

Его сын Игорь (1889—1972) стал известным конструктором и строителем самолетов и вертолетов.

Игорь Зеленковский
(руководитель проекта «Западная Русь»
<https://zapadrus.su/>)

ЛАТИНО-УНИАТСКИЙ СВЯТОЙ ИОСАФАТ КУНЦЕВИЧ.

*- По поводу 300-летнего юбилея
Брестской унии -*

В последнее десятилетие в нашем юго-западном крае благолепно отпраздновалось несколько знаменательных юбилеев. Так, напр., в 1885 г. вся св. Русь торжествовала празднование исполнившегося 1000-летия со дня блаженной кончины св. Мефодия († 885 г.), приснопамятного просветителя славян, который с братом своим Кириллом составил славянскую азбуку и перевел с греческого на славянский язык богослужебные книги. Через три года, в 1888 г., во всех городах и весях российских, а по преимуществу в св. граде Киеве— матери градов русских, светло праздновалось исполнившееся 900-летие крещения Руси (988 г.) при св. Владимире. В следующем 1889 году во всем западном и юго-западном крае истинные сыны св. матери православной церкви торжествовали пятидесятилетний юбилей воссоединения с праотцовой церковью униатов (1839 г.), некогда „отторгнутых от неё

насилием, а потом воссоединённых с ней любовью". Еще через три года (1892 года) соседняя Волынь праздновала истекшее 900-летие со времени учреждения в ней православной епархии в славном граде Владимире-Волынском (992 г.). В следующем году (1893 г.) родная нам Подолия, соревнуя сестре своей Волыни, торжествовала столетний юбилей своего воссоединения с великой Россией (1793 г.); и наконец, через год, в 1895 г., та же Подолия более благолепно праздновала исполнившееся столетие со дня учреждения самостоятельной Брацлаво-Подольской православной епархии (1795 г.).

Все эти празднества имели самое благотворное влияние на западнорусский православный народ, закрепляя в нем родственные связи с Великой Россией, утверждая его в истинах отечественной веры, в преданности престолу и любви к общему дорогому отечеству.

Эти церковно-народные торжества собирали к центрам празднования большие массы народа и наполняли сердце его религиозно-патриотическим воодушевлением. Одни ближайшие наши соседи и сородичи, сыны старого Галича, древнего наследия св. Владимира, отторгнутые от совместной жизни с Россией и томящиеся в иноверной неволе, под чуждою немецко-латино-польской властью, будучи лишены возможности и счастья участвовать в этих высокопатриотиче-

ских церковно-народных празднествах, с грустью и болью в сердце потому принимали вести об этих всероссийских торжествах.

Польские-же паны, заправляющие всеми делами в соседней нам Галиции, где коренное население русское, воодушевляемые и руководимые древними врагами всего русского и православного—иезуитами, отнеслись к нашим русским юбилеям, как и следовало ожидать, враждебно; а в текущем 1896 году, в противовес им, чтобы несколько омрачить их славу, задумали устроить, для утешения и назидания галичан, также всенародный праздник, так сказать, контр-юбилей, но по поводу истечения в этом году трехсотлетия брестской унии, решив привлечь к участию в этом торжестве и всех русинов—галичан. С этой целью образован во Львове особый юбилейный комитет, который и принял на себя все работы по устройству этого юбилея, который будет праздноваться в октябре сего года. Комитет выработал и издал программу празднества и особое воззвание („отозву”) к русскому народу на русском, польском и немецком языках. Как программа, так и „отозва”, обнародованы во всех газетах.

Не говоря уже о том, что торжественное празднование пресловутой брестской унии не имеет ровно никакого исторического основания, так как ни в Бресте, ни в Литве, ни в пределах бывшего польского царства ее не существует; а

там, где думают ляхи праздновать её юбилей, т. е., в Галиции, она существует лишь с 1700 г.—помимо всего этого печальной памяти уния брестская ничего доброго и хорошего не говорит уму и сердцу русского народа.—Напротив, истинная история неопровержимыми фактами доказала, что она, эта злополучная уния, хотя,—за время польского владычества в западном крае,—и принималась нашими предками, но принималась только по силе необходимости, как неизбежное зло; а всегда оставалась чем-то чуждым сердцу русского человека и никогда не входила в его сознание; и,—не смотря на тяжёлые гонения православных из-за непринятия унии,—никогда не переваривалась в самосознании народном. Это наглядно доказывается тем обстоятельством, что при перемене правительства в здешнем крае, когда предки наши почувствовали себя под родственной русской властью, то поголовно стали проситься в объятия праотцовской веры и скоро унии не осталось и следа. Почему в текущем 1896 г. следовало-бы русским людям праздновать 300-летний юбилей отвержения унии, как величайшего зла, которое признано было еще современниками её насильственного введения и торжественно объявлено в самый день провозглашения унии—9 октября 1596 г.—том-же Бресте Литовском и такое отвержение засвидетельствовано анафематствованием всех отступников от истинной православной веры.

Из той-же достоверной истории открывается слишком известная всем истина, что уния православной церкви с римским костелом— но существу своему—иезуитская выдумка, измышленная ими с целью скорейшей латинизации православной церкви и ополячения русского народа;—это мост к католичеству и польщизне, но которому много перешло в латинство предков славных русских родов,—некоторые из отдаленных потомков тех, которые, потеряв праотцовскую веру и тесно связанную с ней свою русскую народность, превратившись теперь в ляхов и папистов и подружившись с иезуитами, затевают к прославлению зловредной унии, на вечную погибель себе, торжественный в честь неё праздник.

Хотя одно воспоминание об унии, как величайшем зле, вызвавшем невыразимые бедствия для всего русского народа, и претит нашему православно-русскому патриотическому чувству, но мы преодолеваем себя и останавливаем внимание на одной особенности проектируемого юбилея в память унии, которой определяется цель и характер униатского торжества. Эта особенность состоит в чрезмерности чествования плачевной памяти известного гонителя и мучителя православных, фанатика-изувера Иосафата Кунцевича, понёсшего за свои злодеяния заслуженную кару от доблестных витебцев и потом возве-

личенного римским папой до небес и возведённого впоследствии даже в латино-польские униатские святые, небесные покровители Польши и всех униатов. Эта мрачная личность, бывшая послушным орудием в руках иезуитов, а, следовательно, злым гением русского православного народа и будет предметом настоящей статьи в виду того, что ей юбилейным комитетом отводится в программе праздника первое место.

Комитет этот предполагает посвящать ему, Кунцевичу, все униатские церкви, как выстроенные уже и готовые к посвящению, так и зачатые постройкой в юбилейный 1896 г. Он предполагает раздавать всем участникам юбилейных торжеств образки и медальоны этого латино-польского святого. Он предлагает делать денежные сборы в церквях и костелах, во время торжественных служб, для образования капитала на постройку особого института в честь этого лжемученика изувера. Он рассылает всем помещикам-полякам, русским и галицким, а также ксендзам, особые письма, в которых с настойчивостью и красноречием, достойными лучшего дела, доказывает необходимость устройства такого института и просит от них на это дело денежной помощи. В этих письмах расхваливается Кунцевич, как столп унии, её защитник и покровитель, и говорится, что настает крайняя необходимость, — для увековечения его, то есть, Кунцевича и излюбленной им унии—памяти, —

устроить особый институт для воспитания в нем русского школьного юношества в духе этого латинского святого¹.

Одно из них было у нас под руками. Об этом институте упоминается в программе празднества по поводу 300-летия брестской унии, а также в „отозвах" (воззваниях), изданных на малорусском языке.

Дух Кунцевича из истории нам хорошо известен. Это дух свирепого иезуитского фанатизма, неостанавливающегося ни пред какими препятствиями для достижения своих неизменных целей—подчинения всего и всех римскому папе; это дух лжи и насилия над свободой совести и личности человеческой в целях ополячения русского народа и латинизации православной церкви. Какие-же должны быть люди, воспитанные в духе Кунцевича? Они, хотя по происхождению и русские, но, пропитавшись тлетворным духом гонителя своей предковской веры, естественно должны быть заклятыми врагами, подобно ему, всего русского и православного и противниками царствия Божия на земле, которое есть по Апостолу: „правда, мир и радость о Дусе

---

¹ Литографированные письма по этому поводу, с приглашением к пожертвованиям на институт памяти Кунцевича на польском языке разосланы всем подольским ксендзам и помещикам-полякам;

святе”. Ни правды, ни мира, ни добра для своей родины и веры от них нельзя будет и ожидать.

В видах конкретного пояснения этих мыслей, мы переходим к изображению жизни, характера и деятельности Кунцевича, стяжавшего себе печальную известность своими гонениями православных при жизни и бывшем и по смерти своей—в руках иезуитов, но выражению одного историка² (2), „некоторым сказочным мертвецом-колдуном, тень которого неоднократно вставала из гроба и пугала детское воображение простецов и не твердых в вере, загоняя этих овец Христовых в овчарню папы римского и в погибель вечную“.

---

² Памятники русской старины в западных губерниях XIII т. изд. Батюшкова, ст. Н. Ив. Петрова.

I.

Слишком триста лет тому назад, столь возвеличенный римской церковью, Иосафат Кунцевич появился на свет Божий в русском православном семействе г. Владимира-Волынского, принадлежавшего к епархии униатского митрополита Ипатия Поцея, который известен своей приверженностью к римскому папе и унии с ним и, как один из деятельнейших вожаков унии, ездил в Рим в 1595 г., где она впервые была провозглашена, а в следующем 1596-м году, присутствовал на брестском соборе, где уния эта, принятая незначительной кучкой отщепенцев от отеческой веры, была обнародована и, став под защиту иезуитской польской власти и всемогущего тогда католического духовенства, все более и более стала распространяться на Руси, не смотря на то, что православные тогда-же (9 октября 1596 г.) в Бресте заявили протест против неё и предали анафеме всех отступников от древнего благочестия.

Родился будущий лжемученик Кунцевич в конце 1579 года ³, или-же в начале 1580 года ⁴, следовательно, чрез десять лет после появления в западной Руси (1569 г.) иезуитов, которые имели преобладающее влияние на всю его

---

³ Коялович, „Церков. Уния“ т. II, 121 стр.

⁴ Макарий, „Церк. Ист.“ т. X, стр. 239.

жизнь и в руках, которых он всегда был послушным орудием. Родители будущего „столпа унии“ были простые мещане: отец его был сапожником во Владимире-Волынском и этим ремеслом снискивал пропитание для своей семьи, которая состояла из нескольких душ. При крещении в православную веру, наш герой получил имя Ивана. Детство его протекло в убогой мещанской обстановке. Когда Иван подрос, отец его, естественно, стал приучать к сапожничеству; но этот сын не чувствовал никакого расположения к этому ремеслу; а научившись с грехом пополам русской и польской грамоте, поступил по торговой части, пристроившись в приказчики к купцу.

Как вел Иван свои торговые дела, у кого служил, где был, каким родом торговли промышлял, какие города посетил, но торговым интересам, как ему вообще жилось в его юношеские годы, в родной семье и на службе у разных лиц, обо всем этом его жизнеописатели умалчивают. Можно допустить, что Кунцевич не сидел на своей родине, а по торговым делам посетил в это время разные города: был, между прочим, в Киеве, где отступник Поцей занимал, но милости фанатика—короля Сигизмунда III и с благословения папы, митрополичий престол, —был в Бресте, Вильне и других городах западной России. Как промышленный человек, он естественно входил в сношения с людьми разных по-

ложений, состояний и вероисповеданий, стараясь из всего извлечь какую-либо прибыль. Наживши себе купеческую практическую сметку, Кунцевич не мог не соображать, кому тогда на западной Руси жилось хорошо и не мог не искать этого лучшего, то есть, лучше того положения, какое ему представляла его кочевая, преисполненная разных неудобств и лишений, купеческая жизнь; Кунцевич не мог не видеть того, что поляки тогда на Руси, но выражению одного бытописателя, „блаженствовали, как в раю“, а русские „мучились, как в аду“ и что те из русских людей, которые, изменив вере отцов своих, делались униатами, принимали некоторое участие в блаженстве правящего класса, так как только изменой веры покупалось, при тогдашних обстоятельствах, более обеспеченное состояние и привилегированное положение в обществе. В это печальное время для западного русского православного народа, насильственно соединённого сперва Люблинской гражданской (1569 г.), а потом брестской церковной унией (1596 г.) с польским правительством, когда на престоле сидел король-иезуит Сигизмунд III,—когда все меры и средства были употреблены к тому, чтобы православную Русь ополячить и окатоличить, так как в единении веры и народности близорукое польское правительство видело залог существования и даже процветания Речи Посполитой,—много, как знатных, так и простых русских родов, частью насилием, частью лестью, были

увлечены в злополучную унию и вечную погибель, изменив православие на унию и латинство и русскую народность на польскую. Почему не удивительно, что и Иван Кунцевич, но житейским выгодам, замыслил сперва в сердце своем, а потом и на деле, отрясти от себя все святое и родное, попать предковский завет, праотцовскую веру, — св. православие, и перейти в унию, которая сулила тогда много благ.

В самом начале 17 столетия, около 1602—3 года, когда Ивану было двадцать слишком лет, он решился сделать решительный шаг в жизни — переменить свою презираемую ляхами веру и тем обеспечить свое существование; но 1604 год застаёт его еще за прилавком у виленского купца, хотя торговля уже мало его интересует: он все свободные часы проводит в Виленском Троицком монастыре, недавно обращенном в унию. Здесь монахи сулят ему блестящую будущность, и он, увлекшись временными благами от новой веры, бросает торговлю, делается открытым униатом и переходит на жительство в этот монастырь, — в качестве простого послушника-звонаря. Здесь усердно исполняя всякие послушания, стараясь угодить всем, он принялся за чтение униатских книг, и читал, и изучал их не без усердия. Служебная старательность, книжная начитанность, а главное — желание выслужиться пред начальством — не могли не обратить на него внимание монастырской братии и

прежде всего настоятеля монастыря Иосифа Вельямина Рутского, друга и сотрудника Поцея (занявшего после него униатский митрополичий престол, — по виду и униата, но в душе заклятого латиниста). Настоятель скоро усмотрел, что от бойкого Ивана можно ожидать всяких благ для унии и потому, с целью отличить его, воспользовался пребыванием в Вильне, том-же 1604 году, Поцея—для посвящения его в монахи—самолучно этим митрополитом. Польщенный этим вниманием начальства, молодой Кунцевич, принявший с монашеством имя Иосафата, усугубляет свою ревность по унии. Читая униатские книги, он уже делает и выписки из них в защиту излюбленной унии, каковые выписки впоследствии увидели печать под названием „Obronу wiary" (и конечно не родной истинной православной, которая тогда особенно нуждалась в защите, а униатской и без Иосафатовой „obronу“, поддерживаемой и защищаемой польским правительством). Помимо этой книги, Кунцевич пишет еще и другие сочинения в защиту той-же унии⁵.

---

⁵ Макарий (История Церк. X., стр. 324) и Петров (Намят. Рус. Стар, в Запад. Губер, т. VIII, стр. 370) Кунцевичу приписывают составление „Науки против грехов", „О жизни монашества", Катихизиса" и друг, сочинений.

Кроме этого, Иосафат, но монашескому званию, исполняет келейное правило, занимается молитвой, предается посту, не избегает служб церковных, словом, —дает все поводы настоятелю Рутскому провидеть в нем не только будущую опору, но и украшение унии. Исполняя монастырские послушания в Троицкой обители, Кунцевич находит время для посещения, вероятно по совету Рутского, или по своей охоте, и иезуитского коллегиума в Вильне, где слушает уроки знаменитых наставников-докторов латинского богословия, Фабрициуса Грозу и Гавриила Грушевского, впоследствии бывших проповедниками при дворе Сигизмунда III ⁶. Это были весьма опытные и даровитые педагоги, между самими иезуитами отличались они своей фанатической преданностью латинству и даром красноречия, за что и попали ко двору фанатика-короля, который ценил их талант. Понятно, чему они могли научить Иосафата Кунцевича. Правда, латыни они его не обучили, считая ее излишнею и совершенно бесполезной в деле соращения в унию простого народа, из среды которого происходил их ученик; за то укрепили его в привязанности к унии, внушили ему ложные научные обосновы этого лжеучения, расположили к латинству, вдохнули обожание к папе, а главное

---

⁶ Там же и Коялович, церк. уния т. II.

развили в нем способность к живому и увлекательному изложению своих мыслей, возбудили в нем энтузиазм до умоисступления,—словом, постарались сделать его фанатиком и изувером, который, слепо веря в святость папы и спасительность унии, искренно желал, чтобы и другие разделяли его ложные верования, и не останавливался ни перед какими препятствиями в деле насильственного распространения того лжеучения, которое в заблуждении своем считал истинным и спасительным.

Получив не только латинскую закваску, но и тщательную иезуитскую обработку под руководством мастеров своего дела—наставников Виленского иезуитского коллегиума, Иосафат Кунцевич выступает на общественную деятельность в Вильне в роли прежде всего искусного проповедника излюбленной им унии. С большой настойчивостью и неослабной энергией, достойными лучшего дела, он пропагандирует пресловутую унию во всякое время и на всяком месте⁷. В церквах, на улицах, площадях, в частных домах и трактирах, утром, в полдень и вечером, везде и всегда, где, кому и как придется, он с большим энтузиазмом, и более красноречиво, чем правдиво, поучал простой народ и знатных людей одному и тому же, что одна только уния с римским

---

⁷ Коялович, церков, уния II т.

костелом вера де исинная и что без унии этой— нет спасения, что папа римский—живой Бог, наместник Христа Спасителя, что его одного нужно слушаться и ему покоряться. Убежденная, хотя и тлетворная, речь Кунцевича действует на неиспорченные сердца человеческие неотразимо, и овчарня папы постепенно наполняется заблудшими овцами словесного стада. Собрав толпу слушателей и обольстив их лживым, но красноречивым словом, Кунцевич тащит ее за собой в Троицкий униатский монастырь на исповедь⁸, чтобы посредством этого таинства поспешить перевести увлеченных в новую веру, пока не сознали своего заблуждения.

На первых порах Кунцевич испытывал некоторые затруднения в деле совращения. Ему, как не имеющему еще священного сана, нужно было отыскивать иеромонаха, для исповеди разнокалиберной толпы, уловленной в сети унии, который не всегда соглашался на это дело, и нужно было его упрашивать. Но скоро устранилось это затруднение само собою: за свою ревность к унии Кунцевич посвящен был в иеромонахи, — отчего и рвение его усугубилось и труды на пользу унии умножились. Увлечши в свои сети простецов и не твердых в вере и приведши их в монастырь, он уже не искал священника для исповеди их, а сам исповедовал, просиживая за

---

⁸ Там-же.

этим делом иногда по 6 часов подряд. Исповедь совращенцев он считал одним из самых могущественных средств для утверждения их в новой вере, почему всегда им пользовался. Даже в дороге, во время путешествий, остановившись для отдыха на постоялом дворе, или корчме, Кунцевич первым делом заботился о совращении случайных посетителей, а затем здесь же и принимал их на исповедь, начиная с хозяина. Это средство совращения и окончательного закрепощения в отступлении от истины, впрочем, не ново: к нему всегда прибегали иезуиты и до сих пор его практикуют ксендзы. Энтузиазм этого проповедника унии производил сильное впечатление на простой народ и лесть его была так неотразима, что православные уподобляли его, но искусству увлекать в погибель души человеческие, самому Дьяволу. Стоило православному послушать Кунцевича, и он уже становился униатом. Появилась в это время даже картина, удачно изображавшая улов душ человеческих Кунцевичем. На этой картине изображены Поцей и Рутский в свойственных им одеждах с сияющими лицами, а Кунцевич в виде духа тьмы с страшным лицом и рогами на голове, с большим крюком в правой руке, которым тащил души человеческие, с надписью над головою „душехват“⁹, какое название по справедливости усвоилось ему современниками и закреплено за ним историей.

---

⁹ Кулиш. Исторія Возсоединенія, т. III, стр. 10; Памят. Рус.

Он хватал души простецов тем успешнее, что сам происходил из простонародной среды, а образованных тем скорее, что представлялся им подобием тех евангельских ловцов человеков, которые, исходя из простого народа, покорили Христу владык мира.

II.

Но где же Кунцевич черпал ту силу и бодрость духа, которые необходимы были ему в его тяжелых миссионерских трудах? Где находил он то одушевление и ту поддержку, которые влекли его к новым и новым подвигам на избранном им поприще? Не всегда ведь совращения обходились ему даром. „Душехватство“ Кунцевича и других ревнителей унии сильно не одобрялось и по заслугам иногда даже наказывалось защитниками правой веры. Тогда была в самом разгаре борьба не на жизнь, а на смерть между православными и униатами. Кунцевич и ему подобные должны были действовать, как в огне. На преследования униатов православные отвечали не всегда протестами и жалобами, подаваемыми во множестве в суды, сеймы и королю, но иногда выходили из терпения и решались на самоуправство, особенно, когда нигде не находили правды и защиты, а терпеть новые и новые насилия в вере становилось не в состоянии. Тогда православные против насилий употребляли насилие. Так, не мог Кунцевич не знать, что в митрополита Михаила Рогозу—за измену веры—православные бросали камнями в Слуцке; другому митрополиту Поцею, за насильственное совращение в унию, в Вильне отсекли два пальца; Рутскому и Мораховскому, за такой же насильственный об-

раз действий нанесли побои в Львове; Крупецкого¹⁰ втокнули в болото и не раз встречали и провожали камнями; и другим отщепенцам много приходилось страдать за их заблуждения, при насильственном распространении их между коренным православным населением¹¹. Кунцевича, как ярого проповедника унии, всячески православные поносили, вздевались над ним, а нередко употребляли против него обычное латино-униатское орудие—насилие. Так, когда слава о Кунцевиче, как опытном ловце в сети унии, широко распространилась и при его содействии несколько православных монастырей в Литве даже совращено было в унию, то друг и покровитель его Рутский, уезжая, но смерти Поцея, на митрополию в Киев, взял и его с собой, в тайной надежде—посредством его обольстительных речей—склонить на унию Киево-Печерскую лавру, всегда стойко защищавшую истинную веру. Явился „душехват“ в Печерскую обитель и допущен был к говорению, но, увлекшись жаром своего убеждения, промолвил несколько слов против истин Христовой веры, нестерпимых для слуха честных иноков; своими наглыми насмешками и злостными выходками против православия поставил Кунцевич ревнителей древнего благочестия в необходимость

---

¹⁰ Епископ Перемышльский.

¹¹ Цер. Ист. Макария X., 482—483.

прекратить его хульные речи, а за поругание святыни, избить его до полусмерти, и только одно поспешное бегство его, совершенное при содействии покровителя его Рутского, спасло его от неминуемой смерти¹².

Подобные случайности были не редкость в жизни „душехвата“ и других провозвестников унии в то время, когда религиозные страсти были в высшей степени напряжены. Но эти случайности нисколько не охлаждали пыла ревности этого борца унии, —а, казалось, еще более усиливали его энергию в служении излюбленному делу. Что же служило причиной этого странного явления? Что вдохновляло Кунцевича и поддерживало его на опасном пути пропаганды унии, столь ненавистной народу русскому? Ответ на этот вопрос станет ясен, если мы обратим внимание на следующие обстоятельства. Кунцевич за свое „душехватство“ всегда находился под особым покровительством своей высшей духовной власти, сперва митрополита Поцея, а потом преемника его Рутского, с которыми связан был тесными узами дружбы. Эти сильные покровители, ценя „душехватство“ ревностного прозелита унии Кунцевича, всеми зависящими от них мерами старались его возвы-

---

¹² Кулиш, Ист. воссоединения, т. III, 11 стр. и находил у них всегда для себя мощную поддержку, дельный совет и всегдашнее утешение в своих злоключениях.

сильно в глазах его же братьев-сверстников, которые, не потеряв еще совершенно совести, не могли решиться, подобно ему, на открытую деятельность против родной матери церкви и русского народа. Поцей и Рутский и их подчиненные, а также светская гражданская власть и руководимое ею иезуитское польское духовенство превозносили жизнь и труды Кунцевича на пользу унии до небес, восхваляли его красноречие, заботились о повышении его, удивлялись его личным качествам и служебной распорядительности, словом, кадили ему и славословили его на все лады.

В виду этого Кунцевич, быстро восходя от славы в славу, равномерно повышался по служебной лестнице. Скоро стал игуменом Бытейской обители, затем переведен в Жировицкую, наконец (1614 г.) возведен в архимандрита Виленского Троицкого монастыря. На всех этих настоятельствах он более и более прославлялся, везде утверждая новые порядки, чуждые духу православия и клонящиеся к латинизации православной церкви и слиянию её с латинством.

Быстрое возвышение „душехвата“, хотя и купленное дорогой ценой измены праотцовской вере и русской самобытности, не могло конечно, не вскружить окончательно головы бедному мещанину, сыну чеботаря, а потом послушнику-звонару, особенно при тогдашнем порядке в Речи-Посполитой, когда высшие духовные

хлебы—настоятельства и архимандрии исключительно предоставлялись лицам привилегированного дворянского сословия. Извлеченный из нищеты и убожества, величаемый и прославляемый „душехват“, поставленный в пышную житейскую обстановку архимандрита-настоятеля богатой Троицкой обители, не мог не чувствовать необычности и неестественности своего положения, —а зная, что все это достигнуто им, благодаря проявленной им деятельности на поприще совращения своих единоверцев в лжеучение, не мог не желать усиления таковой, чтобы оправдать доверие начальства и заслужить еще большие милости. Что при этом могла значить для „душехвата“ ненависть к нему православных? Могли он обращать какое-либо внимание на их насмешки, издевательства, оплёвывания, поругания и даже побои? Нисколько. Враждебное настроение к Кунцевичу православных не только не могло охладить пыла его губительной деятельности против православия, а напротив должно было казаться ему даже желанным, ибо он хорошо понимал, что чем более в среде православных будут его поносить, тем более в обществе католиков и униатов его будут возвеличивать: все поругания и побои со стороны православных вменяют ему латинцы в особенную заслугу не унии только, но и всему латинству и даже самой Речи-Посполитой и за это вознаграждают его с лихвой. На всякие оскорбления из-за унии „душехват“ необходимо должен был еще и

напрашиваться, потому что испорченной иезуитским воспитанием его честолюбивой натуре живое воображение не могло не рисовать в ярком блеске заманчивыми красками в недалеком будущем и епископский жезл и золотую митрополичью шапку, сопряжённые с внешним блеском и всеобщим поклонением, каковых благ—по милостям короля и папы—за те же заслуги уже удостоились его благоприятели, вдохновители и соратники в деле совращения— известные Ипатий Поцей и Иосиф Рутский, ставший по смерти первого Киевским митрополитом, уступив свою виленскую архимандрию Кунцевичу.

Кроме ненасытного честолюбия, подвигавшего „душехвата “ на новые труды во вред православию, чтобы заслужить благоволение и милости правительства Речи-Посполитой, были еще и другие причины, побуждавшие Кунцевича всеми зависящими мерами стараться о расширении унии и возвеличении папы Римского. Эти причины заключаются в том, что Кунцевич был не просто униат по расчёту только житейскому, как многие из тогдашних совращенцев, отрекшийся от веры отцов, а был униат по убеждению, как член монашеского базилианского ордена, составлявшего „квинтэссенцию “ унии, устроенного по образцу римско-католических орденов, и по преимуществу по образцу иезуитского.

Основателем базилианского ордена был друг Кунцевича Иосиф Рутский¹³. По происхождению он был также русский и православный, но изменил своей народности и вере. Иезуиты совра­тили его в католичество и, заметив в нем бо­гатые дарования, отправили в Рим в науку. Здесь стал он известен папе, который решил им воспользоваться для своих всегдашних целей - перетянуть Русь в подчинение себе; почему посоветовал Рутскому принять унию, возвратиться в Литву и здесь устроить монашеский орден, посредством которого, без внутренних потрясе­ний, исподволь, униатская церковь была бы ола­тинена, чтобы православные догматы и обряды незаметно заменены в ней были новшествами латинской церкви. В самом начале 17 века (1605 г.), когда Кунцевич был уже в Вильне и трезво­нил на троицкой колокольне, Рутский появился в этой Литовской столице, явился изменнику епископу Поцею, открыл ему замыслы, внушен­ные ему папой, получил одобрение, пострижен в монахи и скоро назначен был настоятелем со­вращенной за недолго пред сим в унию Виленской Троицкой обители. Поуправляв около 5 лет этим монастырем, Рутский имел достаточно вре­мени подготовиться к успешному выполнению возложенного на него в Риме поручения—устро­ить орден для окатоличивания унии. Возведен­ный папой, но смерти Поцея (1613 г.), в Киевские митрополиты и ставши начальником униатской

---

¹³ Очеркъ древ. Литвы, Брянцева, 90 стр.

церкви, Рутский горячо принялся за осуществление замыслённого дела, и правой рукой ему в этом деле явился его наперсник Кунцевич. Для этой цели Рутский воспользовался монастырями православными, которые, — по старанию иезуитов и насилиям польского правительства, — в то время были соращены в унию. Православные монастыри тогда, как и в настоящее время, подчинялись своим настоятелям и местному епископу, а каждый из них был независим друг от друга; такая независимость казалась вредной для преступных целей, затеваемых Рутским в видах скорейшей латинизации православной церкви. Почему он, назначая настоятелей в униатские монастыри, требовал от них во все согласные образа действий, каковые должны клониться к постепенной замене православного богослужения латинским. Из настоятелей особенно отличался, как упомянуто раньше, „душехват“ Кунцевич, который, но вверенных ему обителях, сначала Бытейской, а потом Жировицкой, заводил новые порядки, вытесняя обрядность православную и вводя латинство. Для согласного действованя всех настоятелей, — в видах окончательной выработки устава замышляемого базилианского ордена, Рутский созывает в 1617 г. в своем имени — Новогрудок — настоятелей униатских монастырей, некоторых ученых и между ними двух иезуитов-докторов богословия для принятия участия в заседаниях На

этом съезде выработаны следующие постановления, очевидно продиктованные докторами богословия:

- 1) все униатские монастыри соединяются как бы в один общий монастырь и все униатские монахи образуют одно общество, одно братство, но образцу ордена иезуитского, которое будет называться „Базилианским" орденом¹⁴.
- 2) Орден базилиан зависит от одного только папы, управляется особым генералом, который называется протоархимандритом, с четырьмя ассистентами;
- 3) генералами, ассистентами и настоятелями униатских монастырей могут быть только те лица, которые получают образование на западе, в иезуитских школах, то есть истые иезуиты;
- 4) в базилианский орден могут поступать и католики;
- 5) униатские епископы избираются только из базилиан;
- 6) все униатские духовные училища, служащие для образования священников, находятся в руках базилиан¹⁵. Папа, конечно, был в восхищении от устройства Рутским ордена, называл за это его основателя „атласом единения", „столпом церкви" „русским Афанасием¹⁶", надеясь скоро олатинить этим путем униатскую церковь

---

¹⁴ Все православные монастыри устроятся по чину св. Василия Великого, отсюда и название ордена василианский, или базилианский.

¹⁵ Очерк древней Литвы и западной России, Брянцева, 91 стр.

¹⁶ Там же.

и привести всю Русь к подножию своего престола. К этому то ордену духом и телом принадлежал Кунцевич и принимал самое горячее участие, как самый деятельный член и передовой человек, в осуществлении поставленных им задач. Посредством этого ордена свободно проникли в униатские монастыри иезуиты и беспрепятственно занялись воспитанием русского юношества в основанных ими училищах и заведением нового строя монастырской жизни, направленного к подавлению православия, возвеличению латинства и прославлению своего патрона, Римского папы.

Кунцевич в своей деятельности воодушевляется этими заклятыми врагами православия, усердно посещает униатские съезды, созываемые Рутским для рассуждений о более успешном осуществлении предприятий ордена и прекращении возникавших несогласий между членами, пишет угрожающие письма к настоятелям монастырей, уклоняющимся от посещения этих съездов¹⁷, словом, всю энергию направляет, но уже не столько во славу унии, сколько на пользу латинства и папы. И этим новым родом деятельности так увлекается, что возведенный в год новгородского съезда (1617 года) в епископский сан и не сомневаясь в будущем воссесть, после Руц-

---

¹⁷ Одно из таких писем можно читать в памятниках „Русской Старины“, VIII т. 380 стр. и даже видеть автограф Кунцевича

кого, и на митрополичий стол, уже мечтает о неземном блаженстве, которое может дать ему только святой, но его мнению, папа, бесконтрольно распоряжающийся, ключами апостола Петра". Такие мечты в нем возбуждают и фанатизм его настраивают те же вдохновители-иезуиты, которые постепенно забрали себе всю силу в униатской церкви, руководствуя всем церковным строем её и буквально поработив себе всех начальственным её лиц, особенно, после заключения тесного союза на одном из съездов (1621 г.), между ними и базилианами, для взаимного действия против православия и России, в силу какового союза, в бывшей резиденции Кунцевича—Бытейском монастыре, открыт был новациат¹⁸, куда приглашены были в качестве опытных наставников иезуиты и куда высылались униатские монахи и настоятели монастырей для возбуждения, или восстановления в них того духа, который воодушевлял иезуитов и направлял деятельность Кунцевича.

Новоучрежденный базилианский орден, не смотря на большое оживление, внесенное во внутреннюю жизнь его допущенными в него иезуитами, но самой новизне своей, не мог не возбуждать между самыми членами его, особенно бывшими православными, разных недоумений и несогласий, тем более, что истинная цель его учреждения была предусмотрительно

---

¹⁸ Нам. „Русской Стар.“ VIII, сг. Петрова.

скрыта от искренних, но близоруких униатов, полагавших свою унию только во внешнем признании своим главою папы и не желавших ни догматами, ни обрядами своей веры охотно поступиться в пользу латинства. Как новизна, не привлекало к себе поспешное олатинение церкви и простого народа, но консервативности своей натуры вообще не терпящего никаких новшеств в важных делах, особенно церковных.

Чтобы поставить новоучрежденный орден на твердую почву, привлечь в него лучшие силы, расположить к нему коренное население, нужно было чем-либо его прославить. Слава латинских орденов в римской церкви измерялась знаменитостями, а такими знаменитостями не успели еще пока обзавестись базилиане. Не было в Базилианском ордене среди членов его таких лиц, которые бы своей добродетельной жизнью, строгим соблюдением устава церковного, постоянным молением и пощением сподобились бы от Господа Бога особенной прозорливости и духовного просветления, чтобы привлекать к себе для духовных собеседований массы народа и умудрять их во спасение, располагая к церковности и жизни но Христу; не было у них, так называемых, в православных монастырях „старцев“, к которым влекутся сердца людей как знатных, так и простых. Не могло быть в этом ордене, как учреждении еретическом, и видимых знаков

благоволения Божия, обыкновенно проявляемого в благодатных иконах и мощах святых.

Но для иезуитов, составлявших главную силу базилианского ордена, как свидетельствует история, ничего нет и не было невозможного. Чего для славы ордена не доставало в действительности, то всегда можно было измыслить, в силу руководящего правила их жизни: „цель оправдывает средства“. Этот принцип освящал самые незаконные, самые безнравственные средства, разрешал прибегать ко лжи, обману, хитрости, лести, насилию, коварству и другим преступным средствам „ad maiorem dei gloriam“, то есть, в действительности, для славы их земного бога— Римского папы. Сама уния была не более как хитрая уловка, измышленная иезуитами для незаметного перевода православных в латинство, в овчарню папы. В виду этих соображений, что могло остановить изобретательность вечных врагов истинной церкви Христовой— иезуитов, на пути к задуманному ими прославлению базилианского ордена, чтобы привлечь к нему народ и тем вовлечь его в унию, а потом незаметно перенести его в латинство, убив в нем русскую самобытность, закабалить его в вечную неволю римскому первосвященнику?!

Для этой цели, хотя с иезуитской точки зрения разрешались все средства, но употреблено ими в дело самое сподручное и, по-видимому, за-

конное. До сих пор уния особенно прославлялась, и через нее был прославлен и возвеличен „душехват“ Кунцевич, который в слепом фанатизме своем всегда действовал без рассуждений и соображений, очертя голову, и никогда не останавливался пред препятствиями к достижению намеченных целей совращения православного народа в унию. На этом изувере и остановили свое внимание иезуиты и избрали его орудием для убеждения, кого следовало, в той лжи, что уния свята, что базилианский орден учреждение божественное, как освященное папой и находящееся под особенным Божиим покровительством. Словом, всегдашние вдохновители „душехвата“ постарались воздействовать на живое воображение и сильную впечатлительность природы его, внушить ему мысль, что для блага унии и успеха её распространения между схизматиками, для славы базилианского ордена требуются со стороны его членов не только труды на пользу их, но даже и жертвы, подобные тем, какие в свое время потребовались от истинных последователей Христа, для утверждения христианства в языческом мире,—что за новую веру, или унию, так же нужно страдать, не жалея своей жизни, как первенствующие христиане страдали за истину Христову.

Эти иезуитские внушения, попав на подготовленную почву, еще более воспламеняли ревность по унии „душехвата“ и принесли в свое

время печальные плоды, чему епископская деятельность Кунцевича и служит наглядным доказательством.

III.

В 1617 году, как замечено, Кунцевич был посвящен Рутским в епископы-коадьюторы престарелому Полоцкому архиепископу Гедеону Брольницкому, 90-летнему старцу, который, под конец жизни своей, мучимый совестью за соращение в папскую веру, совершенно охладел к унии и всенародно объявлял, что „уния ему омерзела и давал даже письменные разрешения городам своей епархии оставаться под послушанием Константинопольского патриарха¹⁹, то есть, исповедовать древнюю отеческую веру. Проведал об этом митрополит Рутский и испросил папское разрешение на назначение в Полоцк Кунцевича, которого и рукоположил в Вильне (12 ноября) с целью парализовать деятельность Брольницкого. В начале следующего года Кунцевич и прибыл в Полоцк и был встречен у городских ворот своей резиденции торжественной церковной процессией, в состав которой входили иезуиты, во главе с местным латинским духовенством, участвовали также в встрече и православные члены местного городского управления. Чувства ненависти, страх новых гонений и решимость не поддаться в руки иноверцам выразились глухо, но многозначительно в приветственных речах. Один из бургомистров заключил свою речь так: „если вступаешь в град сей с

---

¹⁹ Макарий, Церков, история, X т. стр. 457.

благими намерениями, то гряди во имя Господне, если же замышляешь противное, то лучше тебе не входить в него²⁰“.

Другой из граждан, убеждая Кунцевича защищать „русскую веру“, между прочим, сказал: „если ты не с унией, то принимаем тебя, как ангела Господня, если же с унией, то чураемся тебя, как выходца из преисподней“²¹.

Такие приветствия заставили Кунцевича на первых порах в Полоцке действовать хитро и осторожно, тем более, что его ближайший начальник архиепископ Гедеон открыто порицал унию и тем связывал ему руки. Здесь „душехват“ старается применять более пастырские меры, чтобы расположить к унии своих пасомых. Он пользуется своим обольстительным словом и частыми службами церковными и имеет некоторый успех: скоро совращает в унию Полоцкого воеводу Михаила Друцкого-Соколицкого, но вере кальвиниста, а за ним и много шляхты; часто проповедует слово Божие, исполняет уставы церковные, даже в речах своих всенародно проповедует, что он не отрекался от патриарха (подразумевая под ним папу). Хотя Кунцевич входит в Полоцке в близкие сношения с иезуитами, часто их посещает и принимает у себя; но эти сношения соблюдает в тайне; а, чтобы расположить

---

²⁰ Кулиш, История воссоединения III, 12 стр.

²¹ Макарий, Церков, история X, 458 стр.

к себе сердце народа, он по виду является в церкви и дома, как благочестивый архипастырь, и тем вводил в заблуждение простой народ, который недоумеваает и не может решить, униат ли он, или православный.

Не таков образ действий Кунцевич применяет к другим местам своей епархии: там, не стесняясь ничем, он действует открыто и насильственно, чтобы втянуть в унию свою паству. Для этой цели, где нужно и не нужно, употребляет меры строгости и насилия. В Могилеве, Витебске, Орше, Мстиславе отнимает церкви у православных и печатает их, покоряющихся священников выгоняет из приходов и даже епархии, особенно отстаивавших православие, заключает в тюрьмы, мучит голодом и пытками, мирян предаёт суду и преследованиям. Вообще не знает „душехват“ никакой милости и снисхождения к последователям истинной веры Христовой и при столкновениях с ними чинит им всякие насилия с свирепостью облечённого властью и поддерживаемого правительством фанатика-изувера.

Слух о зверствах Кунцевича распространяется по всей обширной Полоцкой епархии и возбуждает к нему всеобщую ненависть, которая скоро проявилась в резкой форме. Осенью 1618²²

---

²² Макарий, Церк. ист. X, 459; Кулиш, История воссоединения.

г. или 1619 г.²³ в начале октября, Кунцевич задумал посетить г. Могилев и медленно приближался к нему в сопровождении пышной свиты. Лишь только православные могилевцы узнали о нашествии своего гонителя, сейчас привели город в оборонительное положение и встретили его, как неприятеля. Зазвонили в вечевой колокол, висевший на ратуше и произвели общую тревогу. Народ с оружием в руках высыпал на городской вал; затем городские власти с орудиями и цеховыми значками, окруженные толпами народа, вышли на встречу Кунцевичу, стали кричать, поносить и проклинать его, как вероотступника и злодея, угрожая ему, если он въедет в город, расправиться с ним также, как с Рогозой в Слуцке и Поцеем в Вильне и Киеве, т. е. побить²⁴. Кунцевич удалился. Но запертые ворота, наведённые пушки, угрожающие народные клики, и вообще, такое враждебное выражение чувств к своему архипастырю не могло пройти Могилеву даром. Кунцевич сейчас отправился с жалобой к королю в Варшаву и оттуда вывез утешительную для себя грамоту (от 22 марта 1619 г.), которою разрешалось предать смерти всех главных зачинщиков; а все церкви и монастыри с их имениями и доходами, равно всех чернецов и попов подчинить ему. После этого церкви были запечатаны, священники разогнаны, многие граждане преданы суду и пыткам

---

²³ Коялович, Церк. Уния 11, 122.

²⁴ Кулиш, История воссоединения т. III.

и пострадали за стойкость в вере, а имущества их были конфискованы. То же повторилось и в других местах Полоцкой епархии и всей Литвы и Белоруссии. В том же 1619 г. Кунцевич разослал во все пределы своей епархии циркуляры, возвещавшие о соединении церквей и требовал от священников, чтобы они немедленно со своими прихожанами изъявили согласие на принятие унии, угрожая непокорных лишать приходов и предавать их вместе с церквями униатам²⁵.

Страшные гонения воздвигнуты были тогда на церковь Христову в разных городах западного края, а особенно Могилеве. Ревнителю древнего благочестия, отстаивавших свои народные верования, Кунцевич и его приспешники призывали к суду, а суд карал их заключением в тюрьму и денежными пенями. Церкви, не соглашавшиеся на унию, стояли запечатанными, приписанные к ним имущества отдавались в пользование униатскому духовенству. Городское население, верное преданиям старины, в праздничные дни собиралось за городом и молилось в устроенных там шалашах, или под открытым небом. Православные священники только по ночам, и то украдкой, могли совершать требы и поучать народ. При этом униаты старались их изловить для заключения в тюрьму, как бунтовщиков. В виду таких преследований православного духо-

---

²⁵ Вестн. Ю.-Зап. и Зап. Рос. т. 1, от. 11, стр. 57.

венства и недостатка священников, — новорожденных детей мещане иногда возили для крещения за десятки верст, в глухие деревни, куда не проникали еще неистовства униатов, а много младенцев умирало и без крещения; много молодых оставались в супружестве без церковного благословения, а — умерших без напутствования и отпевания. Умерших тогда старались хоронить при церквях тайно; но случалось, что могилы их раскапывались униатами, а тела выбрасывались, как падаль, в поругание православия. Бывали и такие случаи, что неотпетое тело выкапывалось из земли и погребалось по униатскому обряду, но мещанами вырывалось из униатских рук и погребалось неотпетым. Вследствие таких деяний ненависть к Кунцевичу православных должна была достигнуть высшей степени, ею заражались, и униаты и многие отпадали от жестокого своего епископа.²⁶

В Полоцке же в первую пору пребывания там Кунцевича сравнительно было спокойно: сначала он здесь неистовств своих не проявлял, так что православные не могли с точностью определить православный — ли он, или униат. Но настал 1620 г.. В начале его (в марте) прибыл в Киев Иерусалимский патриарх Феофан, с полномочиями от Константинопольского патриарха, под управлением которого находилась право-

---

²⁶ Коялович. Церков, ун. II т. Примеч. 334.

славная церковь в западной России, подчиненной тогда Польше, исправить те нестроения в церкви, которые введены в ней унией. Прибытие святителя Феофана радостно было приветствуемо всеми православными, которые со всех концов Белоруссии, Малороссии и Литвы устремились к нему за благословением, советом и утешением в горестном их положении. В это время лучшие из полочан явились к Кунцевичу и просили его, если он действительно православный архиерей, за которого выдает себя, то чтобы ехал в Киев за благословением к патриарху Феофану; а издержки по этой поездке они берут на свой счет. Кунцевич сначала согласился. Весть об этом обрадовала народ. Все ожидали, что он образумится и загладит свои вины против родной церкви искренним раскаянием. Но когда все приготовления были окончены и оставалось ехать, то Кунцевич внезапно отказался. Этот отказ оттолкнул от него полочан, которые увидели в нем обманщика.

А между тем патриарх Феофан, снисходя к усердным мольбам православных, восстановил церковную иерархию в западном крае, вместо совращенцев—епископов, но настоянию сильного ревнителя православия, малороссийского гетмана Петра Сагайдачного, посвятил в Киевские митрополиты Иова Борецкого и назначил православных епископов на захваченные униатами православные кафедры и, между прочим,

Мелетия Смотрицкого, одного из способнейших и ревностнейших тогда защитников православия, посвятил на Полоцкую кафедру, занятую Кунцевичем. Мелетий скоро прислал грамоту в Полоцк, в которой объявлял о своем назначении, приветствовал свою паству словом мира и любви и обзывал Кунцевича отступником. Грамота эта была принята с восторгом, торжественно прочтена народу, который признал своим владыкой Смотрицкого и отказался повиноваться Кунцевичу. Многие из униатов также перешли на сторону Мелетия. Потеряв паству, Кунцевич поехал в Варшаву с жалобой к королю на непокорных чад и Смотрицкого. Король вручил ему увещательные грамоты к народу, в которых повелевалось признавать одного Кунцевича своим владыкой и ему покоряться, как законному пастырю. С этими грамотами Кунцевич явился в Полоцк, предъявил их властям, собрал полочан в городскую ратушу и в присутствии воеводы и градского начальства прочитал их народу, а по прочтении сознался, что он униат и покоряется папе. Затем спросил народ: будет ли и хочет-ли быть в унии и его признать своим владыкой. Полочане отвечали: „мы не униаты и не будем униатами “. Толпа заволновалась и со всех сторон мужчины и женщины с оружием и камнями в руках устремились в ратушу к Кунцевичу с угрозами: „смерть обманщику, смерть гонителю веры, смерть „душехвату“ ... Власти едва спасли Кунцевича от преждевременной

смерти²⁷. Тогда Кунцевич и в Полоцке воздвиг открытое гонение на православных, подобное тем, какие раньше были в Могилеве и в других местах.

Призвав себе на помощь гражданскую и военную власть, Кунцевич посредством всевозможных насилий над православными в несколько месяцев отнял от них все церкви в Полоцке, так что они не имели бы и места для молитвенных собраний, если бы один дворянин—Иван Стабровский не уступил им своего дома для совершения богослужения²⁸. Кроме того, Кунцевич наполнил ими тюрьмы, подвергал мучениям, наказывал чрез суды отнятием имущества, изгнанием из города, лишением должностей и проч.

Неистовства эти возбудили сильные волнения в народе, который бросал насиженные места из-за зверств своего епископа и убегал к козакам—защитникам православия. Кунцевич не унывал. Встречаемые преграды его не останавливали, а все более и более возбуждали его фанатизм и жестокость. Сам он не знал покоя ни днем, ни ночью и другим не давал его; призвал все власти, все материальные силы для подавления православия. Но не такое было время, чтобы

---

²⁷ Макарий, Церков. истор. XI, 279.

²⁸ Вест. ю.-зап. и запад России, ч. I, отд. I, № 9, стр. 32.

безнаказанно можно было угнетать православный элемент. Польша тогда вела войну с Турцией и заискивала пред козаками, в оружии которых нуждалась для отражения внешнего врага. Когда произошло сильное брожение умов, и посыпались жалобы на Кунцевича к королю, митрополиту, в сеймы и сеймики, а также открыты были сношения между православными и козаками, то само польское правительство, всегда поощрявшее Кунцевича в его зловредной деятельности, теперь решило если не остановить его на время, то хотя несколько охладить его пыл в преследовании православных. Для успокоения православных решено было гражданским начальством побудить Кунцевича возвратить им некоторые церкви. Вот что, между прочим, писал (9 февраля 1621 г.) тогдашний канцлер, но вере латинист, князь Лев Сапега, митрополиту униатскому Рутскому о деятельности Кунцевича: „не один я, но и другие весьма осуждают то, что ксёндз владыка Полоцкий слишком жестоко начал поступать в делах веры и очень надоел, и омерзел народу как в Полоцке, так и везде. Давно я предостерегал его, просил и увещевал, чтобы он так жестоко не действовал; но он, имея свои соображения, более упрямые, чем основательные, не хотел слушать наших советов. Дай Бог, чтобы последствия его распоряжений и суровых действий не повредили Речи Посполитой. Ради Бога, прошу, вразуми его, чтобы он прекратил и остановил такую суровость в этих делах и скорее

добровольно уступил могилевцам их церкви, не дожидаясь того, чтобы они сами и без просьб отобрали их у него... Пожалуйста, ваша милость, держи ею на вожжах".²⁹

Неизвестно, что отвечал митрополит Рутский канцлеру Сапеге на это письмо и как воздействовал он на Кунцевича; но неистовств и жестокостей своего друга против православных он не остановил, одобряя их в сердце своем. но крайней мере известно, что Кунцевич, когда дошла до него весть, быть может, чрез Рутского, что гражданская власть, в лице канцлера Льва Сапегы, не одобряет его насилий над православными, сам писал ³⁰к канцлеру Сапеге о том, что он не находит надлежащей поддержки там, где всегда должен находить ее, то есть, в гражданской власти, что его ничто не может остановить в его деятельности, так как спасение чрез унию он ставит выше всего и пред ним ничто спасение государства.

Получив, по смерти Гедеона Брольницкого (1618 г.), сан полоцкого архиепископа и исхлопотав (1619 г.) королевскую привилегию на подчинение себе православных церквей и монастырей во всех пределах архиепископии, Кунцевич решил обозреть свою епархию, посетить главнейшие города, чтобы лично убедиться в успехах

---

²⁹ Вил. Арх. Сбор II, № 29, стр. 30—31.

³⁰ Вест. юго-запад. и запад. России т. II, стр. 80-я, примечание; т. I, стр. 57.

унии. Как в Могилеве встречали архиепископа— нам уже известно. То же было и в других городах. В Мстиславе, наприм., приезде в город некто Массальский хотел его убить из ружья, но промахнулся и в это время сам был убит одним из архиерейских слуг; в Орше мещане хотели утопить его в Днепре³¹. Подвергался Кунцевич разным оскорблениям и в других городах; но повсеместная ненависть не образумила и не укротила его, а напротив, чем более возбуждал он к себе народную ненависть, тем с большим ожесточением вел пропаганду унии. Противиться Кунцевичу „значило лить масло в огонь“, но выражению одного историка³². Он веровал искренно в нравственное превосходство латинской церкви и в святость Христова наместника на земле. Он всей душой желал одолеть схизму; себя он не щадил нимало, и мученическая смерть за унию была для него—по иезуитским внушениям—идеалом счастья в земном странствовании. Погружаясь в душеспасительные помыслы, он взирал на собственное тело, как на препятствие ко входу в божественную область человеческого существования. Он изнурял себя постом, бдением, бичевался до кровавых синяков и на свежие раны надевал власяницу. Экзальтированный иезуитами ум его задолго до постигшей его смерти уготовал ему то блаженство в небесах,

---

³¹ Вест. ю.зап. и зап. России, II т., 75 стр.

³² Кулиш, История воссоединения, III, 14 стр.

которым, в католических сказаниях, наслаждаются сколько истинно добродетельных людей, столько и безумных злодеев“.³³

Но насколько Кунцевич был предан своей унии, готовый за нее пострадать в расчете, но милостям папы, избавиться от чистилищных мук и наследовать райские обители, чтобы блаженствовать там вместе с подобными ему знаменитостями: Лойолой, Торквемадой и другими подобными, причисленными к лику святых римской церкви, настолько же православные были преданы своей истинной вере, за которую охотно проливали кровь свою во время неистовств униатов. Они просили и молили тогдашнее польское правительство защитить их святую веру от козней врагов своих. Во множестве подавали они жалобы в сеймы об обидах и притеснениях, чинимых Кунцевичем и его приспешниками. В самый разгар деятельности Иосафата вот что. напр., писалось в супликации, поданной сенату в 1622 г.: „Разве с одним человеком вы имеете здесь дело? — говорили своим противникам жалобщики, — Разве с одним городом? Разве с одним поветом? Правда, что с одним народом русским; но русские люди так преданы своей православной вере, что мы скорее все готовы умереть, нежели допустить нашим отступникам вырвать из наших сердец данную нам Бо-

---

³³ Там-же.

гом нашу веру. Разве мы хлопчем об имуществе? о здоровье? о жизни? или нам дороги какие-либо другие временные блага? Дорога нам наша вера, дорога нам душа, дорого нам царство небесное. И потому-то, повторяем, скорее доведут нас до того, что мы дадим разлить нашу кровь до остатка, нежели отвлекут от той веры, которая чудесным образом пришла к нам с востока, от той древней св. веры, которая семью вселенскими соборами, как серебро в горниле, но св. псалмопевцу, седмирицей искушена и очищена³⁴". Эта супликация писалась после гонений, воздвигнутых униатами на церковь истинную в предшествующем 1621 году, когда,— как изображено в протесте, поданном православным митрополитом Иовом,—православные подвергались разным жестокостям со стороны униатов в Вильне; когда в Могилеве, Пинске и Орше у них были отняты церкви; в Перемышле умерщвлены в тюрьме 24 человека мещан; в Ярославле, Кременце, Гродне и Пинске отняты были церкви; в Бресте Дорофея с братьями бросили в колодец; в Красноставе ворвались в каменную церковь и многих в церкви убили; то же сделали в Сокале, Бельске и Буеве, и взрослых без покаяния предавали смерти, а детей без крещения³⁵.

---

³⁴ Там-же, 28 стр.

³⁵ Сводная Галицко-рус. летопись, под 1621 г., стр. 58—59

Известная стойкость в вере тогдашних защитников православия и готовность их за святы верования свои пострадать, а в то же время не прекращающиеся со стороны врагов их преследования и мучительства, грозившие, но тогдашнему политическому положению, совершенно расшатать государственный строй Речи Посполитой, побудили канцлера, великого князя литовского Льва Сапегу, ходатайствовать пред Сигизмундом III о некоторых уступках православным и самому взяться за вразумление „душехвата“ Кунцевича. В том же 1622 году он решил отвечать ему на письмо, доказывал Кунцевичу, что насилие в делах веры противно церкви Христовой, не имеет оправданий в практике ни одного отца церкви, противно гражданским законам Польши, почему гибельно для неё и, но личному повелению короля, запрещается Кунцевичу.

Это письмо (от 12 марта 1622 г.), принадлежащее перу известного государственного деятеля, но вере—католика, прекрасно рисует мрачную деятельность Кунцевича, которою—в фанатическом ослеплении своем—он мечтал принести пользу не только римско-католической церкви, во и польскому государству; но это была такого рода деятельность и сопровождалась такими жестокостями, что вместо пользы приносила один вред и потому не могла заслужить одобрения ни от искренних папистов, ни от верных слуг

Польши, к каким бесспорно принадлежал канцлер Литовского княжества Лев Сапега.— Чтобы остановить ее, как вредную и не приводящую к намеченным целям, этот государственный деятель и пишет следующее внушительное письмо ревнителю унии Кунцевичу: „Не хотел бы я,— писал Сапега,—вступить с вашим преосвященством в переписку и споры; но видя упорство, с каким вы отстаиваете свои мнения, не внимая никаким убеждениям, нахожу себя вынужденным отвечать, вопреки моему желанию, на неосновательное письмо ваше”.

„Признаюсь, что и я заботился об унии и что было бы неблагоприятно оставить это дело; но мне никогда и на ум не приходило то, что вы будете привлекать к ней насильственными мерами. Всевышний зовет к себе кротко: приидите ко мне еси и проч., а не хочет и не приемлет рабов, влекомых насильно... Вам трудно отречься от этого, когда вас уличают жалобы, поданные русскими начальникам польским и литовским. Разве вам неизвестен ропот нерассудительного народа, выразившийся желанием его принять лучше турецкое подданство, чем терпеть такое притеснение веры и благочестия³⁶. По вашим словам, противятся унии только неко-

---

³⁶ В это время агитация странствовавших по Руси греческих и украинских монахов достигла крайнего возбуждения. Сравнивали безопасность Афонской горы с нашими монастырями, спокойствие турецких христиан с беззащитным положением православных в польских областях.

торые монахи из епархии Борецкого и Смотрицкого и несколько лиц из киевской шляхты; но прошение королю, чтобы он утвердил в тех епархиях Борецкого и Смотрицкого, а вас с прочими удалил, подано не несколькими монахами, а всем запорожским войском³⁷. Горе тому, кто легковверен! В этом прошении обстоятельства унии являются совсем в новом свете. А мало-ли мы получаем жалоб на сеймах не от монахов только, но от всей Украины и Руси“ ...

„Руководствуясь не столько любовью к ближнему, сколько суетою и личными выгодами, вы—пишет канцлер—злоупотреблением своей власти, своими поступками, противными священной воле и приказаниям Речи Посполитой, зажгли те опасные искры, которые всем нам угрожают пагубным и всеугрожающим пожаром. Вы пишете, что „политика обращает на них (православных) внимание“, а я прибавлю, — не только политика, но и правительство; ибо от повиновения их больше пользы для края, нежели от вашей унии; поэтому вы должны соображать власть свою и обязанности пастыря с волею короля и намерениями правительства, помня, что власть ваша ограничена и что затеи ваши, противные спокойствию и общей пользе, будут сочтены оскорблением величества....

---

³⁷ Во главе его стоял тогда известный защитник православия, гетман Петр Конашевич-Сагайдачный.

„Вы пишете „об обращении отщепенцев" и проч. Нужно заботиться об их обращении и о том, чтобы было „едино стадо и один пастырь", но нужно это делать благоразумно и сообразно с обстоятельствами времени, как дело, зависящее от свободного согласия, особенно в нашем отечестве, в котором решительно неприменима сентенция „понуди внити". Нужно заботиться, чтобы наша ревность и желание единоверия основывались на правилах любви, по слову св. апостола Павла; но вы—продолжает Лев Сапега—уклонились от наставления сего апостола, а потому не удивительно, что подвластные вышли вам из повиновения. Что касается опасностей, угрожающих вашей жизни, то на это можно сказать: каждый сам бывает причиною своего несчастья. Нужно уметь пользоваться благоприятными обстоятельствами, а не предаваться безрассудным увлечениям, —особенно, когда дело идет о перемене веры. „Я обязан"—говорите вы—„подражать епископам" и проч. Подражать св. епископам в терпении, славословии Бога, подражать, напр., Златоусту и другим великим иерархам—дело похвальное; но нужно подражать им в благочестии, учительстве, долготерпении и примерной жизни. Прочитайте жития всех благочестивых епископов, прочитайте творения Златоуста вы не найдете в них ни жалоб, ни протестов, ни намека на судебные процессы и

позывы к суду... а найдете только то, что способствует к умножению славы Божией, назиданию человеческих душ.

„А посмотрим на ваши деяния: вы наполнили земские суды, магистраты, трибуналы, ратуши, епископские канцелярии позваами, тяжбами, доносами, чем не только нельзя распространить унии, но можно расторгнуть и последний союз любви в обществе и наполнить сеймы и управы разладом и ссорами.

Пишете, что они, то есть, апостолы и угодники Божии не взирали ни на царя, ни на кесаря и проч. Нет! Всемогущий Бог велит уважать их, ибо., противляйся вмети, Божию велению противляется; несть власть, аще не от Бога, говорит он. И Христос сказал: воздадите Божия Богови и кесарева кесареви-, потому вы и каждый должны помнить, что все люди, исполняя завет Божий, должны повиноваться воле своего государя.

„Еще пишете, —продолжает Сапега--„если неправоверные нападают на меня, то я поневоле должен защищаться“. Но истине не тому учит нас Христос. Ведомый яко овча на закление, имея для своей защиты легионы ангелов, Он молится за врагов своих! Так должно поступать и вам. Долг мудрого—употребить все меры благоразумия прежде, чем взяться за оружие, и не писать колких писем к начальству его величества

короля, не отвечать угрозами, как это делаете вы.

Продолжаете писать, „что вольно топить униатов, рубить им головы“. Нет, не должно так поступать с ними, потому что божественное евангелие строго внушает всем мстителям, а в том числе и вам: мне отмщение, аз воздам. Сколько апостолов, учеников Господних, сколько христиан запечатлело своею кровью славу распятого Господа, претерпело ради Его жесточайшей муки! И, однако нигде нет в священном писании ни одной жалобы или протестов на Неронов, Тивериев, Диоклитианов; но идяху радуящиеся от лица собора, яко за имя Господа Иисуса сподобившаяся безчестие прияти.

„На сеймах"—продолжаете вы—„поднимаются голоса не только вредные для унии, но для всего правоверного духовенства римского" и проч. Кто же тому причиною? Одна уния—виновница всех этих несчастий. Когда вы делаете насилие совести человеческой, запираете церкви для того, чтобы люди погибали без богослужения, без христианских обрядов и таинств, как неверные; когда злоупотребляете милостью и властью короля, вы—обходитесь без нас; а когда нужно усмирять смуты, возбужденные в народе вашим беспутством, —пишет Сапега, — вы хотите нами запирать двери. Оттого противная сторона думает, что мы с вами составили заговор, направленный к насилию и нарушению

всеобщего спокойствия, чего конечно не бывало. Довольно и того, что вы с нами в унии; так и берегите эту унию про себя, и в звании, в немже звании бысте, оставайтесь себе спокойно, не подвергайте нас общенародной ненависти, а себя—явной опасности и всеобщему нареканию.

„Не принимающих унии, — пишете дальше, — „следовало бы изгнать из государства“ и проч. Избави Бог нашу отчизну от этого безрассудства. Давно уже в ваших странах водворилась римско-католическая вера и, пока она не имела подражательницы себе в деле благочестия и почитания св. отцу (папе), до тех пор она славилась своею любовью к спокойствию, могуществом внутри и вне государства; но как только связалась с какого-то сварливой и беспокойной подругой, терпит, но милости её, при всяком собрании народном, при всяком уездном заседании разные раздоры и нарекания. Лучше бы, кажется, было сделать разрыв с этой неугомонною союзницей, потому что мы никогда не видали в нашей отчизне таких нестроений, какие посеяла среди нас эта благовидная уния.

„Отдавать“—говорите вы—„церкви на поругание“ и проч. Но печатать и запираť церкви, глумиться над кем - либо есть настолько же пагубный разрыв братского единомыслия и взаимного согласия. Укажите, кого вы приобрели, кого уловили такой суровостью вашей, строгостью, печатанием и запираением церквей? Окажется,

что вы потеряли в (самом) Полоцке тех, которые были вам послушны. Из овец вы превратили их в козлиц, навлекли опасность на государство, а, может быть, погибель и всем нам католикам. Вместо радости пресловутая ваша уния надедала нам столько хлопот, беспокойств, раздоров и так нам опротивела, что мы желали бы лучше остаться без неё; такт много, но её милости, мы терпим беспокойств, огорчений и докук. Вот плод вашей пресловутой унии. Сказать правду, она приобрела известность только смутами и раздорами, которые произвела она в народе и целом крае. Если—избави Бог—отчизна наша потрясется (вы своей суровостью пролагаете тому торную дорогу), что тогда будет с вашей унией. “!?”

„По крайней мере“, — пишете вы, — „я получил в этом деле предписание верховного пастыря или его наместника“ и проч. Противиться верховному пастырю есть проклятое покушение; но я уверен, что если бы св. отец (папа) знал все те смуты, какие породила ваша уния в нашей отчизне, он позволил-бы все, чему вы так упорно противитесь...

„В силу всего сказанного, король, — заключает письмо Сапега, — приказывает вам распечатать и отпереть церкви в Могилеве, о чем и извещаю вас, но его приказанию. Если же и после настоящего напоминания вы этого не сделаете, то, по повелению его величества, я сам повелю

распечатать и отдать церкви (православным), дабы они в тех церквях отправляли свое богослужение, согласно с уставами своими. Жидам и татарам позволено в областях королевства иметь свои синагоги и мечети, а вы печатаете христианские церкви! Оттого и ходит везде молва, что они (православные) лучше хотят быть в подданстве неверных турок, чем терпеть такое насилие совести. Но—возражаете— справедливо-ли делать такое снисхождение для сомнительного спокойствия в будущем? Не только справедливо, но и необходимо, потому что, если мы станем еще более стеснять их религию, то произойдут неизбежные раздоры в обществе. Повсюду уже раздается молва, что они навсегда желают порвать всякую с нами связь. Что касается до полочан и иных против вас возмутителей, то, может статься, они и в самом деле таковы, а все—таки скажу, что вы сами расположили их к возмущению. Они были вам послушны, не оставляли вашей церкви, а вы сами от себя оттолкнули их.... Вот ответ на ваше письмо! Желал бы я на будущее время быть свободным от состязания с вами. Прошу только Всевышнего, —заключает свое письмо канцлер, —о ниспослании вожделенных для вас благ и, вместе с тем, о ниспослании вам духа кротости и любви к ближнему".³⁸

---

³⁸ Вест. ю.-запад. и запад. Рос., II т., стр. 65—80. Подлинность его подтверждается собственноручным письмом Кунцевича к митрополиту Рутскому. Там-же, стр. 81—83. Церков. история Макария, XI, 295.

Здравая речь канцлера Льва Сапеги несколько не образумила Кунцевича и не отрезвила этого ослеплённого фанатизмом изувера. Он слишком верил в спасительность своей унии и в святость римского папы, слишком убежден был в правоте своего дела, чтобы послушаться чьих-либо благих советов и смягчить свои жестокости, по отношению к православным, к каковым жестокостям его возбуждали всегдашние его вдохновители иезуиты, совершенно помрачившие его ум изображением ему небесных папестин, как ждущей его награды за его зверства. Кунцевич ограничился только ответом (от 22 апреля) на письмо канцлера, в котором силился доказать, что насильно к унии не привлекал, а только защищался от нападений и защищался кротко, без всяких жестокостей; при этом также ложно утверждал, что схизматикам правительство покровительствует, а униаты и даже католики от этого страдают. Одновременно он писал митрополиту Рутскому, прося его о помощи ему и защите. По этому письму Рутский обращался с жалобами к папе римскому, а папа прислал два письма в Польшу, одно—королю, которого просил защищать митрополита и униатов от „схизматиков“, а другое—Рутскому, в котором утешал и подкреплял его в борьбе³⁹.

---

³⁹ Макарий, цер. ист., XI, 296. Вест. ю.-запад. п запад. Росіи, II, 81 стр.

IV.

По получении письма от канцлера Сапеги, Кунцевич как будто еще более усилил свою деятельность на пользу своей унии и во вред православию. По крайней мере в суппликации, поданной на сейм 1623 года от имени всего православного дворянства Литвы и Польши о его деяниях, говорится следующее: „В Белоруссии полоцкий архиепископ пять уже лет держит запечатанными церкви Орши и Могилева. Граждане полоцкие и витебские, которые не могут иметь в городе, по запрещению того же архиепископа, ни церкви, ни даже дома для отправления своего богослужения, принуждены по воскресным и праздничным дням выходить для того за заставы, в поле, да и то без священника, так как ни в городе, ни вблизи города им не позволено иметь своего священнослужителя. Бедные люди, не привыкшие к иной вере, кроме той, в которой родились и выросли, поставлены в необходимость возить своих детей для крещения за десять миль и более и во время дальнего пути многие дети умирают некрещенными. Так же далеко принуждены ехать и все желающие получить церковное благословение брака. Многие во

все это время лишены возможности исповедовать свои грехи и удостоиться св. причащением и умирали без христианского напутствия⁴⁰.

Наконец, вот дело ужасное, невероятие, варварское и свирепое: в прошлом году (1622) в том же белорусском городе Полоцке тот же апостат-епископ, чтобы еще более досадить гражданам, намеренно приказал выкопать из земли христианские тела, недавно погребённые в церковной ограде, и выбросить из могил на съедение псам, как какую-либо падаль». В заключение русские дворяне, во имя целости и благоденствия отечества, настоятельно просили, чтобы совсем выброшена была эта „кость раздора“, которая зовется унией (соединением) и ведет только к разделению и смутам⁴¹.

Но Кунцевич ни на кого и ни на что не обращал внимания, будучи занят исключительно применением всех способов к скорейшему утверждению в своей пастве унии. Так, проведая,

---

⁴⁰ Даже католические польские историки не всегда одобряют образ действий Кунцевича по отношению к православным. Так, Сярчинский в своей книге: „*Obraz wieki panowania Króla Żygmunta III*“ — отзываясь о Кунцевиче так: Будучи назначен епископом, а потом (по смерти Гедеона) архиепископом полоцким и витебским Иосафат Кунцевич здесь все силы свои напрягал к искоренению схизмы и при этом употреблял насилие и принуждение“. Стараясь защищать Кунцевича, тот же источник говорит, что он в основу своей деятельности поставил евангельское изречение: „понуди Иисус* (XIV Мат., 22)—и на этом изречении построил систему принудительного совращения православных в унию, полагая за правило, что к соединению с римской церковью и принуждать дозволительно (Гродн. Губерн. Ведомости, неоффиц. часть, № 65, 1896 г., ст. св. У. Паевского „Лжесудья Иосафат Кунцевич“.

⁴¹ Макарий, Церк. история, XI, 299—300.

что граждане подчинённого его духовной опеке г. Витебска, получив грамоту от новопосвящённого патриархом Феофаном в полоцкие архиепископы Мелетия Смотрицкого, в которой он называл себя владыкой, а его, Кунцевича, отступником и изменником, торжественно читали эту грамоту в ратуше, единогласно решили отказаться от повиновения ему и даже составили особый акт о передаче своих церковей Смотрицкому, — решил самолично посетить Витебск п примерно наказать своих непокорных чад.

Город Витебск между всеми белорусскими городами имел самые древние привилегии. Со времени варяго-русов витебцы сохранили вечевой колокол, с которым они соединяли неопределённое, но дорогое для них понятие о своей независимости. Пользовались они магдебургским правом, то есть, сами управлялись, независимо от королевских чиновников, и между разными привилегиями было для них дороже всего обязательство короля не вступаться в церковные дома и церкви витебских местичей, — даже в тех случаях, когда бы литвин, или лях крещен был в русскую веру, „права их христианского ни в чим не ломати". Убедившись же в том, что Кунцевич во всех местах своей Полоцкой епархии замыслил ниспровергнуть истинную церковь Христову и ввести унию и даже для этой цели хочет посетить их город, чтобы „право их христианское“ сломать на веки, ревнители святой веры—

храбрые витебцы привели свой город в оборонительное положение, как бы в ожидании неприятеля, и решились, по-видимому, пасть в борьбе с тою властью, которая изменила своим обязанностям. Нужно помнить, что население Витебска было чисто русское; поляков и вообще латинян здесь почти не было. В граде (крепости) хотя были королевские чиновники из католиков, но несколько было протестантов, равнодушных к унии, да к тому же эти чиновники не имели никакой власти в городе.

О враждебном к нему настроении витебцев хорошо узнал Кунцевич; но решил ехать к ним, чтобы утвердить там унию. Впрочем, пред поездкой он сделал одно распоряжение, свидетельствующее о том, что он знал, что едет в Витебск на верную гибель. Он распорядился приготовить себе могилу в Полоцком Софийском соборе⁴². Смерти он ждал при всех столкновениях с православными, которых он иначе не называл, как „схизматиками“. „И в домашних беседах, и в письмах к знатным лицам, и даже в проповедях с церковной кафедры он возвещал, что схизматики хотят его убить, но пусть знают, что он охотно положит свою душу за папу и св. унию“⁴³. „И действительно, сам как-бы напрашивался на

---

⁴² Макарий, Церк. Ист., XI, 306.

⁴³ Там-же, 305.

смерть—замечает историк, —намеренно являясь там, где она могла угрожать ему ".⁴⁴ Явно готовясь к смерти, он всю дорогу в Витебск говорил о своем мученичестве и так раскрашивал его, что возбудил отвращение и негодование даже своей свиты, которая просила его оставить этот разговор, по крайней мере во время еды⁴⁵.

Наконец, приблизился поезд Кунцевича к Витебску и остановился у ворот, найдя их закрытыми. На стенах стояли пушки, между ними расхаживали вооруженные люди. Именем короля Кунцевич потребовал отворить город и объяснить, почему не хотят впустить его. Ворота отворились, явились витебцы с оружием в руках, стали упрекать его в отступничестве и грозили смертью, если он не удалится. Свита убедила Кунцевича не рисковать жизнью, так как она нужна для блага унии. Кунцевич удалился, чтобы принести жалобу королю на такой прием своих пасомых. Скоро последовал королевский допрос: на каком основании витебцы действовали, как осажденные, когда опасности не предвиделось? Они указали на свои привилегии, подтвержденные многими сеймами. На это не обращено было внимания. Назначена была комиссия для открытия зачинщиков бунта, чтобы их каз-

---

⁴⁴ Там-же.

⁴⁵ Коялович, Истор.; унии, II т. 129 стр. прп. 133.

нить, а церкви, монастыри, белое и черное духовенство со всеми именьями велено отдать епископу-апостату Кунцевичу.

В сопровождении почетной стражи, Иосафат торжественно въехал в Витебск, явился, окруженный властями, в ратушу и здесь прочитал те же королевские грамоты, какие раньше были читаны им в Полоцке, и также возбудил против себя негодование православных слушателей: они побросали свои шапки в кучу, что служило знаком клятвы на смертоубийство и тут же едва не умертвили Кунцевича.

В этом случае, помимо своей воли, он был защищен стражей от ярости народной. Но желая добиться во чтобы то ни стало славы быть убитым за унию, Кунцевич естественно должен был подготавливать к тому своих врагов, — действовать на их страсти, раздражать их. Явившись в Витебск не с любовью и кротостью пастыря, а с свирепостью обличённого властью и поддерживаемого правительством тирана, он решил, не обращая внимания на раздражение и ненависть народа, отслужить во всех витебских церквах, что должно было служить знаком передачи их на унию. Служил он часто, и редкая служба обходилась без нанесения ему витебцами оскорблений. А он того только и ждал: сейчас составлял акты о насилии и оскорблении со стороны православных, записывал их в градские (крепостные) и го-

родские книги и подвергал их разным взысканиям за обиды, судебным проторам и убыткам, а в заключение призывал военную силу, которая и делала церкви доступными епископу; ⁴⁶одни из священников были смещены и изгнаны, другие подкуплены, третьи запуганы гонением, а не то—соблазнены перспективой спокойной жизни.

Таким образом, все церкви постепенно очутились в руках Кунцевича. Это, по его мнению, значило, что уния восторжествовала в Витебске, и он задумал праздновать торжество по поводу сего радостного для него события, он распорядился в день Пятидесятницы (1622 г.) устроить торжественный крестный ход, но городу, чтобы тем огорчить православных, лишенных в этот великий день службы церковной, и тем склонить их на унию. И вот, когда процессия вступила на мост, навстречу ей внезапно двинулась толпа православных, предвидимая городским префектом Василевским, с намерением, когда произойдет замешательство, сбросить Кунцевича с моста в реку Двину. Но этот замысел не удался: униаты поняли намерение православных, подались назад, и процессия расстроилась;⁴⁷ таким образом праздник не удался.

---

⁴⁶ Коялович, Цер. уния, II т., 131 стр.

⁴⁷ Макарий, Церк. История стр., 305.

Лишенные церковей в городе православные собирались на богослужение в устроенные за городом шалаши. Таких шалашей было два: один на Заручевье, другой за рекой Двиной, против Пречистенской церкви и архиерейского дома⁴⁸. Но Кунцевич не оставлял православных в покое и здесь. Он подавал жалобы, что при этих временных „синагогах“, как он говорил, составляются мятежные сходки⁴⁹. Почему являлись власти с военной силой и разгоняли молящихся.

Отнятие храмов, систематическое преследование православных, разные насилия и жестокости до того усилили народную ненависть и ожесточение к фанатику изуверу, что составлен был заговор убить его, чтобы хоть временно избавиться от гонения, воздвигнутого на церковь Божию. В этом заговоре приняли участие не только жители Витебска, но и других городов, между прочим отдаленной Вильны⁵⁰. Составлен был такой план, чтобы городские власти, на которых должна была пасть ответственность за волнение, выехали пред назначенным днем из города; а люди, замыслившие убийство, решились, после совершения такового, бежать к казакам и поднять их на защиту города.⁵¹

---

⁴⁸ Арх. Юго Запад, и Запад. России, II т. 81 стр.

⁴⁹ Коялович, Церк. Уния, II т., 132.

⁵⁰ Арх. Ю.-З. и З. России т. II, 81 стр.

⁵¹ Коялович, История унии II, 132.

Так как это решение было известно многим, то неудивительно, что оно стало известным и униатам, близким к Кунцевичу, которые постарались склонить его выехать из Витебска для утверждения унии в других городах епархии. Но куда ни появлялся душехвват, везде его встречали по заслугам. В Мстиславе, Орше и других местах как известно, едва удавалось спасти его от преждевременной смерти за унию, так как он везде своими жестокостями и злодейством приводил народ православный в ярость. Но Витебск его более всего привлекал, так как он нигде не встречал той стойкости и того упорства, какое проявляли здесь исповедники православия; почему, несмотря на убеждения своих приближенных, в октябре 1623 г. Кунцевич опять появляется в Витебске, с целью непременно быть убитым за унию, чтобы кровью своей запечатлеть эго лжеучение и распространить его, по всей Руси.

Прибыв в Витебск, Кунцевича при первой службе своей с церковной кафедры произнес слово из текста: „придет час, да всяк, иже убьет вы, возмнится службу приносить Богу" (Иоанн. 16, 2). Применяя эти слова к тогдашним обстоятельствам, к себе и своим слушателям из православных, он пояснял: „вы всюду ищете меня убить, а вот я сам добровольно пришел к вам, чтобы вкусить смерть за св. унию⁵². На этот раз

---

⁵² Макарий, Церков, история XI, 306.

недолго пришлось ждать фанатику смерти, которой он так жаждал. Решившись умереть за унию и ежеминутно ожидая смерти, он нисколько не ослабевал в своей деятельности, а все более и более ее усиливал. От безнаказанности мучителя, пытки православного народа возрастали с часу на час, в количестве и качестве. Чувства боли и негодования народного достигли высшей точки, чаша терпения его переполнилась до краев: довольно было одной новой капли, чтобы она пролилась и утопила мучителя в мести ожесточённого народа. Эта капля — и довольно крупная — была брошена самым Кунцевичем, и он погиб, конечно по заслугам.

Дело было так. Донесено было Кунцевичу, что возле архиерейского дома часто проходит благочестивый священник Илия в свою „синагогу“, выстроенную за городом и поносит архиерейских слуг и клир. „Душехват“ приказал схватить этого священника в наступающую ночь, 12 ноября (1623 г.), когда он будет проходить на службу за город. Тогда пришел к Кунцевичу витебский консул, униат Петр Иванович и открыл ему, что схизматики согласились в ратуше завтра умертвить его и члены ратуши намеренно отлучились уже из города, чтобы не пала на них ответственность за убийство архиепископа. При этом консул предлагал ему или бежать из Витебска, или принять вооруженную стражу. Кунцевич отверг то и другое. Отпустивши консула, он

начал готовиться к церковной службе, ибо следующий день был воскресный, когда он привык служить. Прослушавши вечерню и прочитавши положенное правило, Кунцевич не мог не помышлять, но мистическому своему настроению, навеянному и поддерживаемому иезуитами, о том небесном блаженстве, которое настанет для него, когда он вкусит смерть за папу римского и излюбленную им унию. За этими мечтами вероятно прошла и вся ночь, причем по обычаю, заведенному в латинской церкви, фанатик истязал свое тело до кровавых синяков, на которые надел власяницу. Настало утро 12 ноября, день воскресный, служилась утренняя в архиерейской церкви, которую слушал Кунцевич. Архидиакон же, но имени Доротей, исполняя приказание своего владыки, вышел на ловитву православного священника Илии, переправлявшегося тайно чрез Двину для совершения богослужения в одном из шалашей. Подстерег священника, Дорофей внезапно напал на него и, избив до полусмерти, запер в архиерейской кухне. Спутники священника подняли крик. Весть о таком поругании и насилии православного священника с быстротой молнии распространилась по городу. Негодование народа вспыхнуло со всеразрушающей силой. Ударили в вечерней колокол, зазвонили в церковные колокола и произвели тревогу: мужчины и женщины, старцы и дети, вооружившись чем попало, в исступлении ринулись к архиерейскому дому. Кунцевич приказал

отпустить священника, но было уже поздно. Толпа бросилась на архидиакона Дорофея и архиерейских слуг и почти всех их переранила ударами сабель, топоров и других орудий; наконец, ворвалась и в келью Кунцевича, где он оставался по окончании утрени, в ожидании литургии, и с криком и воплем: „бей папезника, бей душехвата и проч., накинулась толпа на Кунцевича. Один ударил его палкой по голове, другой рассёк топором голову; когда Кунцевич упал, то добит был выстрелом из ружья. Исполнилось слово Божие: „взявшие меч, от меча погибнут" (Матфея 26, 57). Так совершилась казнь фанатика-изувера, мучителя православных, которую давно бы должен был исполнить над ним закон менее пристрастный, правительство менее враждебное православию, менее фанатичное. По убийстве Кунцевича, началось разграбление дома его и, между прочим, погреба, что придало ярости народной более оживления и повлекло к новым неистовствам⁵³.

Труп Кунцевича пьяные вытащили на площадь, ругались над ним, обнаженный таскали по улицам, клали на него убитую его собаку, садились на обезображенный труп женщины с грудными ребятами и распевали песни, наконец, втащив на высокую гору над Двиной, столкнули с крутизны в воду. Здесь подхватили труп рыбаки,

---

⁵³ Коялович, Церков, уния II т., 137 стр.

втащили его в лодку, привязали к нему несколько камней, отвезли вверх, по реке, к месту, называемому „Песковатик“, бросили его в Двину в самом глубоком месте⁵⁴.

По поводу смерти Кунцевича приведем отзыв одного из знаменитых наших церковных историков: „Исполнилось желание несчастного фанатика—говорит преосв. Макарий. Он легко мог бы избежать смерти и еще, может быть, долго посвящал бы свою жизнь на служение Богу и той церкви, которую считал истинною. Но он намеренно искал себе смерти, увлекаемый пожиравшей его страстью, во что бы то ни стало, достигнуть славы мученика. И глубоко ошибся. Он умер, или умерщвлен вовсе не за веру, которую проповедовал и которую, как пастырь, должен был проповедовать со всею ревностью, в духе христианской кротости и любви и распространять силой только духовных наставлений и убеждений. Он умерщвлен за те антихристианские меры, насилия и жестокости, какие употреблял против православных для насаждения между ними унии. Он своими вопиющими притеснениями, столько противными христианству, довел православных до ожесточения и насильно заставил, вынудил их совершить над ним такое страшное преступление. Это не смерть христи-

---

⁵⁴ Церк. уния, Коялович, II, стр. 137; Кулиш, История воссоединения III, 50. Вестник Юго-Западной и Западной России т. II, 83 стр. Церк. ист. Макария, XI т. 370 стр.

анского мученика, а нечто похожее на самоубийство; не жертва Богу, а разве жертва собственному самолюбию, жаждавшему непременно стяжать себе славный венец мученика⁵⁵”.

Весть о смертоубийстве фанатика скоро распространилась не только по всей Полоцкой епархии, но и по всей Руси; стала известна: митрополиту, королю, папе. Прежде всего откликнулся король Сигизмунд III, который в январе 1624 года прислал в Витебск грозную судную комиссию, под председательством канцлера Льва Сапеги, который так недавно увещевал Кунцевича образумиться и прекратить свои насилия над православными. Комиссия получила самые широкие полномочия: ей поручено было возможно строже наказать убийц, чтобы привести в страх и трепет весь православный народ. Конечно, никто не помышлял о каком-либо снисхождении и помиловании; всякий знал, что за преступлением следует наказание и ожидал, что преступники понесут заслуженную ими кару. Но многие надеялись, что беспристрастный суд выяснит причины, вызвавшие преступление, установит точные границы между волнением народа и убийством фанатика, а главное, что ненавистная народу уния не избегнет заслуженного осуждения и к ней не станут принуждать православный русский народ. К сожалению, эти надежды лучшей части народонаселения не оправдались.

---

⁵⁵ Церк. ист. Макария, т. XI, 308 стр.

Боясь нападения Козаков, за помощью к которым обратились витебцы, комиссия спешила делопроизводством. Она успела выслушать только обвинение, направленное против города и членов ратуши, — а не главных убийц, которые имели время бежать и скрылись, оправданий никаких не слушала, не коснулась мнения православного народа об унии, и даже деяния главного виновника обсуждаемого печального события Кунцевича не подверглись обсуждению. В три дня упомянутая комиссия окончила суд и расправу и объявила жестокий приговор, который сейчас и был приведен в исполнение. Девятнадцати человекам отрублены были головы, в том числе двум первым бурмистрам витебским и одному полоцкому; около ста других граждан, бежавших из города до прибытия комиссии, приговорены к смерти заочно; сто человек посажены в тюрьму; двести наказаны кнутом⁵⁶. Словом, по замечанию одного писателя: „ни одна языческая тризна не была празднуема кровожаднее смерти Кунцевича“⁵⁷. Кроме того, имущества казнённых и беглецов, все были конфискованы; магдебургское право, все вольности и привилегии от Витебска отняты; ратуша разрушена; колокола, в которые били в набат, отняты от церквей; запрещен был даже колокольный звон без разрешения митрополита; разрушены ша-

---

⁵⁶ Очерк древ. Литвы, Брянцева, 95 стр.; Церков, ист. Макария, XI, 309 стр.

⁵⁷ „Канонизация мучителя“ в Вестнике ю.-зап. и зап. России III т.

лаши за городом, в которых православные отправляли богослужение; всем приказано было без рассуждений принять ненавистную унию.

Римский папа Урбан VIII, получив извещение от митрополита Рутского о том, что со смертью Кунцевича не стало у него, митрополита, как-бы „правой руки“ и „единственного утешения и облегчения“, писал королю Сигизмунду III: да проклят будет тот, кто удержит меч свой от крови. И ты, державный, не должен удержаться от меча и огня“... Такие архипастырские наставления несколько опоздали. Король—фанатик успел уже жестоко наказать витебцев и скоро утешил этим папу, который не замедлил прислать ему похвальную грамоту и так отвечал: деяние его величества весьма приятно небу и заслужено восхваляется голосом апостолической грамоты⁵⁸.

---

⁵⁸ Церк. ист. Макария. XII, 308—311 стр.

V.

Как внушали и предсказывали Иосафату Кунцевичу друзья его, иезуиты-базилиане, так и случилось. Вслед за смертью его последовало его прославление, а унии чрез него распространение на Руси. Убитый Кунцевич, по внушениям тех же благодетелей, не был тронут лицеприятным судом; он остался чистым и невинным, настоящим мучеником. Поэтому началось его восхваление. Для этой цели пущено было в ход все иезуитское искусство, чтобы окружить самовольного, неразумного мученика самой яркой славой. Однакож из факта убийства Кунцевича римский папа не мог не усмотреть, что дело унии стоит на Руси не так хорошо, как он себе представлял и как расписывали ему совращенцы—епископы; поэтому между энергическими мерами, предпринятыми им для её поддержания и укрепления в народе, он нашел необходимым!, конечно,—не без тайных внушений всесветных иезуитов, имеющих всегда доступ к его трону,— причислить убитого Кунцевича к лику святых, чтобы показать православным, что и униатская церковь имеет своего святого, покровителя и молитвенника на небе, и чтобы ложными слухами о его явлениях и чудесах, одних укрепить в унии, а других обольстить к принятию её.

Вскоре после кончины Кунцевича, польская власть распорядилась отыскать труп его; пробыл он в Двине только три дня; потом его вытащили, набальзамировали и свезли в Полоцк, где и похоронили в тамошнем Софийском соборе, в склепе. Затем базилиане—униаты от имени короля Сигизмунда III возбудили пред папой ходатайство о причтении Кунцевича к лику святых. Папа Урбан VIII в начале на половину только удовлетворил ожиданиям просителей. В 1624 г., менее чем чрез год, он, в ответ на их ходатайство, прислал свою буллу, которой возвел Кунцевича в блаженные мученики римской церкви, приказав память его праздновать униатам только 16 сентября⁵⁹.

Для обнародования этой буллы, произведшей мучителя в мученики, и для торжественного отпевания его тела, созван был папой в Полоцке, в том же 1624 г., собор из высшего униатского и отчасти католического духовенства в предстоятельстве митрополита Иосифа Рутского. Гроб Кунцевича вынут был из склепа и поставлен среди собора для отпевания; тогда лучшие проповедники того времени говорили речи на латинском, польском и белорусском языках, а иезуит Лев Кревза сказал напыщенный панегирик покойнику⁶⁰. После отпевания, гроб Кунце-

---

⁵⁹ Вест. Юго-Зап. и Зап. Рос. II т. 83 стр.; Грод. Губ. Вед. за 1895 г. № 65.

⁶⁰ Вест. Юго-зап. и зап. Рис. Пт. 85—86 стр.

вича был на некоторое время выставлен в соборе для всеобщего поклонения. Таким образом совершилось производство Кунцевича в небожители. „Но признание человека святым—почти непосредственно после его кончины, противно—замечает один историк ⁶¹—правдам даже римской церкви.

Для сего нужно не только полное и повсеместное убеждение церкви о безукоризненной святости жизни почившего, но и проявление чудесных его действий после смерти, и притом засвидетельствованных присяжными свидетелями и оправданных следственной комиссией, а особенно явление его тела не тленным, по истечении многих лет. С Иосафатом, ни при жизни его, ни после смерти, ничего подобного не было. Папа пожаловал его в святые, а политика польского правительства, личные интересы униатского духовенства и, наконец, невежество народа признали его таким и стали чествовать и ублажать, как истинно святого. Правда, папа зашел в этом деле только до половины: —он не дерзнул (па первых порах) канонизировать Иосафата и не назвал его святым (*sanctus*), а только блаженным (*beatus*), —без сомнения не желая, столь поспешным производством Иосафата во святые, слишком компрометировать римскую церковь и без того уже, не только протестантами, но и некоторыми добросовестными

---

⁶¹ Там-же.

католическими богословами, осыпанную упреками за нововведения и искажение первоначальной чистоты и простоты веры Христовой. Папе небезизвестны были жестокости Иосафата, с какими он мучил неповинных православных христиан, его беспокойный нрав и корыстолюбие, под влиянием которых он всю жизнь свою тягался в судах за церковные имения, а особенно за архиерейское имущество,—его доносы и ябеды пред гражданскими властями на православных, которые, вследствие сего, были бросаемы в темницы, узы и подвергаемы разнообразным наказаниям, его безжалостное обращение с твердыми в православии священниками, которых лишал оп приходов, имущества и последнего куска хлеба, мучил кандалами, темницами, бичами и разными истязаниями. Папа слышал о насильственном отнятии Иосафатом православных церквей и монастырей, обращении их в унию, запечатывании и разрушении, о его поругании даже над мертвыми телами православных и над священными обрядами их веры. Словом, папе небезизвестны были все бесчеловечные поступки Иосафата с православным народом, поступки, в которых упрекал его даже великий канцлер Литовский Сапега, —поступки, на которые постоянно и безуспешно жаловались православные королю, в трибуналы и на сеймах и которые до того ожесточили их против него, что не однажды покушались они на его жизнь и, нако-

нец, убили в Витебске и, конечно, убили не понапрасну. И не возмутительно-ли для духа встретить имя такого человека в числе святых? Кого же после этого назвать грешным, если предводитель злонамеренной политической партии, гонитель, мучитель христиан, всю жизнь преследовавший чисто земные интересы, разорявший церковь Христову из одного человекоугодничества, исступлённого фанатизма и упорства, — причислен к лику святых. Напрасно уже папа не вписал в свои святцы имен: Диоклитиана, Нерона, Домициана, Юлиана—отступника, которые отличались от Иосафата только приемами и повсеместностью гонения христиан. Напрасно после этого не причисляют к святым различных преступников, казнью которых народ, либо правительство, вынуждены бывают обуздывать зло в человечестве и отсекают гнилые его члены!”⁶².

Как бы там ни было, чтобы кто не думал и не говорил об этом событии, во причтение Кувцевича к лику блаженных, хотя слишком поспешное, противозаконное и возмутительное для христианского чувства, совершилось, было обнародовано и принято униатами и католиками как явление естественное и необходимое, по тогдашнему состоянию униатской церкви. С этим фактом волей—не волей приходилось считаться и православным, на которых воздвигнуто было тогда сильное гонение, так что слабые духом,

---

⁶² Вест. Юго-зап. и зап. Рос. Пт. 84—85, в примечании.

иные страха ради, другие из житейских расчетов, должны были, изменив вере предков, принимать унию. Много тогда ненавистной унией, как мертвой петлей, затянуто было в овчарню папы русского народа, который, приняв латинство, стал быстро полонизироваться. Так по преимуществу поступали знатные русские роды: Тышкевичи, Сапеги, Вишневецкие, Корсаки, Пузыны, Сангушки, Горские и другие⁶³. Помимо знатных родов и простой народ чрез новоявленного якобы священном ученика, которым, как сподручным средством, ловко воспользовались паписты—иезуиты, эксплуатируя народную веру в чудесное, в немалом количестве был также уловлен в сети унии.

Для вящего успеха такого лова нужно было снабдить прославляемого „душехвата“ такими свойствами, по которым простой народ привык отличать святых от грешников, как-то: святостью жизни, чудесностью действий по смерти, а также нетлением мощей. И за этим не было остановки. Недостающее ему при жизни и совершенно чуждое ему по смерти, все, что казалось необходимым для достижения предположенной цели—прославления мучителя, для уловления в унию простого народа, —все восполняла с избытком та же изворотливая и изобретательная иезуитская фантазия. Сейчас, по смерти Кунце-

---

⁶³ Очерк древней Литвы, Брянцева, 98 стр.

вича, стали в большом обилии появляться сочиняемые базилианами—иезуитами и латинянами—поляками описания его жизни и деятельности⁶⁴, в которых на все лады восхвалялся лжемученик и превозносился до небес за свою ревность по унии, слепой фанатизм и преданность папскому престолу.

Кроме жизнеописаний Кунцевича, от времени до времени появлялись в печати восторженные похвалы ему в проповедях, стихотворениях и песнопениях; распространялись в народе невероятные сказания о нем⁶⁵. Печатная ложь у невежд скоро приобретала авторитет истины, туманила детский ум простого народа, помрачала его светлые чувства приверженности к родной матери—церкви и её обрядности, а вместе с тем располагала к унии, тем более, что по милости папы и нахальству базилиан, эта последняя имела уже своего покровителя и на небе, в лице фанатика Кунцевича, которому иезуитская фантазия приписала много чудес для её прославления, в целях убеждения народа в её спасительности. Правда, о чудесах этих ничего не говорится в официальных бумагах об убийстве Кунцевича,—не упоминается о них даже в папской булле о его беатификации (производстве в блаженные) и все они позднейшего происхождения и плохо

---

⁶⁴ Памят. Рус. стар. VIII, 382; Коялович, История унии 11, 121.

⁶⁵ Там же.

сочинены; тем не менее в свое время они сослужили хорошую службу иезуитам. Народ верил, но своему невежеству, как тому, что труп его из Витебска по Двине сам плыл вверх против течения в Полоцк, хотя по географическому положению—Полоцк ниже Витебска, по течению той же Двины, так что если-бы и принесло труп волной, то в этом не было бы никакого чуда; верил также народ и тому, по доверию своему ко всему чудесному, что по молитвам к Кунцевичу одной шляхтянки, поехавшей из Полоцка в местечко Ушач воскресла её лошадь, околевшая в дороге⁶⁶. Благодаря и многим другим вымыслам, выдаваемым базилианами за чудеса, уния прославлялась и культ Кунцевича постепенно распространялся по Западной Руси. Параллельно с написанием и разглашением разных баснословных сказаний о Кунцевиче, имеющих целью прославление его, как патрона унии, шло распространение писанных на полотне изображений его с вонзенным топором в голове—знаком лжемученичества, а также картин и медальонов.

Когда уже много иезуитской лжи и лести окружило Кунцевича ореолом мученической славы, тогда те же базилиане стали ходатайствовать пред папой о канонизации его (или причтении к лику святых). Последний, чтобы закрепить ложную славу за „душехватом" юридическим

---

⁶⁶ О чудесах Кунцевича можно читать в Вест. Юго-Зап. и Западной России 11, 88 стр.

официальным порядком, вообще оформить дело о производстве его в святые римской церкви, назначил особую комиссию, для освидетельствования трупа и чудес Кунцевича⁶⁷. Это было в 1629 т., чрез 5 лет по убийстве его. Но комиссия эта своими действиями не удовлетворила папы, и он запретил даже самое делопроизводство о чудесах лжемученика на 50 лет; но потом, чрез три года (в 1641 г.), помилосердствовав, разрешил делопроизводство о чудесах Кунцевича; а чрез год (6 мая 1643 г.) приказал внести его в список блаженных священномучеников римской церкви, считая преждевременным производство Кунцевича в святые, — прочем разрешил отправлять ему торжественно службу, общую священномученикам, в день его кончины 12 ноября. Но в некоторых униатских церквях по-прежнему праздновалась память Кунцевича 16 сентября, а в других уже позже, 26 сентября⁶⁸. Скоро составилаь и особая служба этому лжемученику. Первая служба появилась в 1646 г., на 23 г. со дня его смерти, и написана одним из итальянских базилиан⁶⁹, конечно не без внушений папы. А потом и русские базилиане, соревнуя своим собратьям итальянцам, сочинили Кунцевичу особую службу, внесенную в „Празднею“ 1757 года и „Трефологион“ 1773 года, но которой ублажали его память, воспевая ему: „радуйся

---

⁶⁷ Памятник Рус. Старины, VШ, 381.

⁶⁸ Там же 394—395.

⁶⁹ Там же.

непоколебимый соединения (унии) столпе!" При службах помещался лживый синаксарь ему, в котором сообщались фантастические сведения, заимствованные из базилианских и католических жизнеописаний его. Там проповедуется очевидная ложь: будто тело Кунцевича сохранилось нетленным и испускало благовоние. В действительности же ни нетления, ни благовония не было и не могло быть.

VI.

Весьма много помогло распространению унии с культом лжемученика в западном крае в былое время то обстоятельство, что базилиане и иезуиты ловко воспользовались для своих целей бранными останками этого фанатика, кощунственно выдавая их за мощи святого, „источающая чудесные токи исцелений“. Истинная же история неопровержимо доказала, что после убитого мучителя православного народа никаких мощей не осталось и что самая память о нем на Руси погибла с шумом. Подлинность же реликвий, приписываемых Кунцевичу и выдаваемых за мощи его, всегда оспаривалась.

Как известно, брошенный в Двину труп Кунцевича на третий день вытасчен был из реки, набальзамирован и отправлен в Полоцк, для погребения в тамошнем Софийском соборе. Так как Кунцевич умер насильственной смертью, то естественно в трупе его недоставало некоторых частей, которые не могли быть восполнены и бальзамировкой. С течением времени тело его подверглось естественному разложению, о чем неоспоримо свидетельствует папский нунций Иоанн де-Торрес, делавший чрез 27 лет по кончине Кунцевича (13 августа 1650 г.) письменное внушение Полоцкому духовенству о сохранении

останков лжемученика в виду того обстоятельства, что „тело блаженного—как замечает Торрес—положенное с великой почестью в Полоцкой церкви, со дня на день все более и более уменьшается, так что может, наконец, превратиться в ничто⁷⁰. Из этого неоспоримого документа открывается, что труп Кунцевича подвергся посмертным изменениям, „с переходом в постепенное медленное исчезание". Через пять лет (1655 г.) после сего, пред занятием Полоцка русскими войсками, тогдашний Полоцкий митрополит Селява бежал с своим духовенством в Литву, захвативши с собой гроб Кунцевича. Этот последний был некоторое время в м. Жировицах, потом перенесен в Замостье, а наконец, преемником Селявы—митрополитом Колендой в 1667-м году возвращен обратно в Полоцк. От этих передвижений по городам и селам Литвы и Белоруссии труп Кунцевича не мог не пострадать еще более, чем страдал от всесокрушающего времени.

В подлинность мощей лжемученика уже и тогда мало кто верил, о чем может свидетельствовать недавно открытый заевающим Виленским центральным архивом древних актов Спрогисом документ⁷¹, представляющий собою жалобу, за-

---

⁷⁰ Журнал Минист. Народнаго Просвещения 1870 г. 247 стр., ст. Сикорскаго. Гродненския Губернскаго Ведомости 1895 г., № 67, ст. Паевского.

⁷¹ Пропечатан в Литовских Епарх. Вед. въ 1895 г., .У 19, из актовоя связки Виленскаго Град. Суда № 4695, док. № 1.

несенную митрополитом Колендой на некоторых православных юношей, которые, в ожидании переноса гроба Кунцевича чрез Вильну в Полоцк (16 июля 1667 г.), стали распространять в народе „письма для оскорбления, как сказано в жалобе, мученика Иосафата, рисовать картины и подписывать под ними стихи, рассказывающие о том, что униатский епископ будет препровождаться с почтением во ад; и действительно был нарисован— замечает жалобщик—блаженный мученик, а проклятые черти ведут его во ад. Далее в жалобе рассказывается, что „подобные картины разбрасываемы были по городу Вильне, чтобы ввести народ в соблазн“.

С 1667 по 1704 год останки Кунцевича находились в Полоцком Софийском соборе, но, вероятно, пользовались они здесь малой популярностью, почему, с благословения папы, в 1679 году „по уважительным причинам“, как замечалось в папской булле от 2 сентября, разрешено праздновать память Кунцевича не 12 ноября, как было до сих пор, а 26 сентября, вероятно потому, как замечает историк, чтобы соединить празднование ненавистному для русского народа Кунцевичу с памятью обще чтимого св. апостола Иоанна Богослова, возлюбленного ученика Христа, и тем несколько ослабить ненависть

народа к прославляемому гонителю и мучителю⁷².

В 1705 году останки Кунцевича перенесены были из Полоцка в г. Белу (Седлецкой губернии) и хранились здесь до 1768 года, в замковой каплице князей Радзивиллов. Несомненно, что во время долгих странствований и перехода из одного места в другое мощи Иосафата делались более и более неузнаваемы. Не даром же они в течение целых 60 лет хранились в г. Беле под спудом. Видно и сам Радзивилл находил невозможным в таком виде показать их народу. По всей вероятности, долго придумывались средства— как, то есть, каким способом истлевшее тело Кунцевича превратить в нетленные мощи? Услужливая фантазия помогла осуществить на деле желанную мысль и цель. Полагают, что взамен истлевшего тела Кунцевича почитатели памяти его умудрились взять из монастырского склепа засохший и хорошо сохранившийся труп базилианина и, после некоторых убавлений и прибавлений, положили труп в раку, одели его в архиерейское облачение, а затем перенесли в униатскую церковь⁷³. Такое перенесение совершилось в 1768 году.

Хозяевами останков Кунцевича считались монахи Бельского базилианского монастыря; а в

---

⁷² Памяти. Русск. Старины, VШ, ст. Н. И. Петрова.

⁷³ Журн. Мин. Нар. Просв, за 1870 г., 249 стр.

деле приготовления нетления лжемученика весьма много поусердствовал тогдашний настоятель монастыря, ксендз Андрей Лодзеевский, который вытащил из склепа труп Кунцевича и нашел его мокрым, покрытым плесенью и гнилью, так что требовалось ему, Лодзеевскому, как он сам говорит, целых четыре недели на просушку трупа⁷⁴. В продолжение месяца просушив и обработав надлежащим образом, извлеченный из-под спуда труп, Лодзеевский одел его в архиерейские одежды и поставил в главной униатской церкви для всеобщего поклонения, выдавая его за подлинные останки Иосафата Кунцевича. Открытие этих мнимых мощей совершилось в следующий 1769 год без всякой торжественности, происходило *secretissime*, по замечанию митрополита Рылло, тайно, без всяких церковных церемоний, без всяких религиозно-юридических формальностей, предписываемых гражданскими законами и церковными канонами⁷⁵. Народ не верил подлинности мощей Кунцевича, почему иезуитам требовалось его убедить в этом. Для этой цели и издана была тогдашним митрополитом Рылло особая заверительная грамота, в которой объяснялось всем, что выставленные в униатской церкви в Беле останки есть именно те, которые хранились под спудом в Радзивилловской замковой каплице, и что они принадлежат не кому другому, а именно

---

⁷⁴ Гродн. Губ. Вед. за 1895 г., № 67.

⁷⁵ Там же, 250 стр.

Иосафату Кунцевичу, некогда убитому в Витебске⁷⁶. Такому заверению народ мало верил, считая выставленные останки засушенным трупом базилианского монаха, хотя иезуиты базилиане не скупались на измышление разных басней о чудотворениях, проистекающих от этих реликвий.

Чтобы рассеять всякие сомнения относительно чудодейственности останков лжемученика и поддержать несколько пошатнувшийся на Руси этим сомнением культ Кунцевича, а также в видах доказательства подлинности приписываемых ему реликвий, римский папа Климент XIV, по ходатайству тех же базилиан, в следующем 1770 году даровал особой буллой (от 13 февраля) полные индульгенции на день памяти Кунцевича (26 сентября), как и на дни некоторых других святых, чтимых в православной церкви (св. Василия Великого, Иоанна Златоуста, преподоб. Онуфрия и др.), обещая полное отпущение грехов всем и каждому обоего пола, кто в этот день будет посещать церковь, усердно молиться и каяться во грехах. Эту буллу особенно усердно распространяли между русским народом униатский митрополит Володкович и епископ Луцкий и Острожский Сильвестр Любенецкий—Рудницкий⁷⁷. Папской индульгенцией, на

---

⁷⁶ Памят. Рус. Стар., VIII, ст. Петрова.

⁷⁷ Памят. Рус. Стар., VIII, т. 388.

пользу себе и во славу Кунцевича, воспользовались униаты базилиане, устроив в Беле „отпуст“, который привлекал к мнимым мощам массы народа со всего Забужья, приносившие свои лепты; как на благолепие храма, так и на молитвы приток пожертвований дал монахам возможность окружить гроб Кунцевича богатой обстановкой и совершать службы этому лжемученику ежедневно.

Не довольствуясь этим, облагодетельствованные папской индульгенцией почитатели Кунцевича слишком усердствовали в служении ему. Его мнимым мощам воздавали поклонение не только в церкви, но и возили по домам⁷⁸, отчего тленное тело все более и более разрушалось. Когда весть о такой порче достигла Рима, то папа Пий "VI дал приказ (1780 г., 16 февраля, чрез 10 лет после дарования индульгенции), чтобы эти останки не развозились по домам на лошадях, а стояли в церкви и тщательно сохранялись за двумя ключами, из которых один должен быть у протоархимандрита, а другой у настоятеля Бельской церкви, и чтобы оба они по временам свидетельствовали труп и переменили одежды⁷⁹. Такое распоряжение дано было папой чрез нунция Стефана Борджиа⁸⁰.

---

⁷⁸ Там-же, 390 стр.

⁷⁹ Там-же.

⁸⁰ Журн. Минист. Народ. Проев. 1870 г., стр. 390. Гродненския Губерн. Ведомости 1895 г., № 27,

Во исполнение этого предписания и сделана была первая ревизия, или освидетельствование трупа в том же 1780 году. Эта ревизия происходила в присутствии князя Радзивилла и настоятеля Бельского базилианского монастыря Серафимовича, давшего присягу в том, что „он не употребит во зло предоставленного ему Римом права осмотра“, ⁸¹ при участии врача Де-Карреса, сделавшего осмотр трупа с медицинской точки зрения и представившего об этом следующий акт: „Я, как христианин—медик, пишет Де-Каррес, излагаю то, чего не достает в организме священных реликвий мученика Иосафата: 1) на правой руке нет кожи, мягких частей, или мускулов; на кисти же этой руки не достает перстневого пальца; 2) на левой руке нет локтевой и лучевой костей, а также и всей ручной кисти; 3) позвонков грудных и поясничных, а также всех ребер нет; 4) икрыных мышц вместе с общими покровами нет; 5) надпяточной кости вместе с костями пятки и плюсны и фалангами пальцев на обеих ногах нет. Само собой разумеется, что там, где нет костей, не достает вместе с тем и кожи, мягких частей и мускулов, нервов, сухожилий и связок“⁸².

Настоящий акт страдает неполнотой и из него нельзя прийти к тому заключению, что

---

⁸¹ Там-же,

⁸² Журн. Минист. Народ. Просвещ. 1870 г., стр. 389. Гроднен. Губерн. Вedom. 1895 г., № 67.

освидетельствованный Де-Карресом труп принадлежал Кунцевичу, уже потому, что он умалчивает о насильственных повреждениях, (о ране, напр., на голове), которые необходимо должны были быть, так как Кунцевич умер насильственной смертью (его изображали с вонзенным в голову топором), а также ничего не говорит, какого пола и роста был исследуемый субъект.

Подобных актов медицинского осмотра упомянутого трупа сохранилось еще три, составленных—после ревизий в 1785, 1797 и 1800 годах; ⁸³все они не более, как копии акта медика Де-Карреса, и имеют целью доказать, что в трупе не происходило никаких изменений со времени первого освидетельствования.

В семидесятых годах (1870 г.) текущего столетия посетил г. Белу врач Сикорский и зайдя в церковь, где находились мнимые мощи Иосафата Кунцевича, составил такое описание их: „Оно (тело) лежало на видном месте, в гробе, который снабжен тремя окошечками. Благочестивые посетители церкви поднимаются по ступенькам, засматривают в окошечко гроба и прикладываются к стеклу окошек. Я последовал примеру других и опишу здесь картину, которую видел. Если смотреть в окошко, расположенное в передней части гроба, то виден целый труп, одетый в священное облачение. Прежде всего

---

⁸³ Там-же.

представляются ноги, обутые в сапоги с кожаными подошвами. Один из сапогов представляет на тыльной поверхности глубокую впадину, как будто бы в нем нет ноги. На груди лежит рука, кисть руки обнажена, кожа на ней черная с весьма крупными складками, что свидетельствует об исчезании жидких частей и высыхание. На руке недостает большого пальца и мизинца. На голову надета митра. Лицо чистое, глаза запавшие; волос нет ни на бороде, ни на губах, ни на боковых частях лица. Живот впавший. Другое окошечко расположено сбоку, так что в него видна кисть правой руки. Третье окошечко находится у изголовья; но оно закрыто митрой и через него нельзя ничего видеть⁸⁴.

Справедливость этого описания, которая проверялась всяким посетителем Бельской церкви, так как мнимые мощи Кунцевича были торжественно выставлены для всеобщего поклонения, никем не оспаривалась и потому не подлежит никакому сомнению; почему описание это может играть роль такого же неоспоримого документа, как и акт медицинского осмотра 1780 года, составленный врачом Де-Карресом. Но какое разногласие между тем и другим, хотя оба говорят об одном и том же предмете. По Де-Корресу—у трупа Кунцевича ног не было, а по Сикорскому были сапоги, которые предпола-

---

⁸⁴ Журн. Минист. Народ. Просвещения 1870 г., декабрь.

гают ноги. По первому, —ни ребер, ни позвонков, следовательно, и груди не было, а по второму—было, вместо ожидаемой впадины, возвышение, соответствовавшее груди, на котором лежала рука. Первый ничего не говорил о волосах; второй утверждает, что труп был без бороды и усов, тогда как Кунцевич на униатских иконах и портретах изображался с усами и бородой и носил таковые при жизни ⁸⁵(тогда где он изображен с усами и бородой, в епископ, облачении еще базилиане и униатские епископы не брились по образу католических духовных особ).

Все эти разногласия приводят к несомненному убеждению в той непреложной истине, что останки Кувцевича, некогда выставленные в Белой, не были подлинны, а подложны и подвергались неизбежному тлению и разрушению, как и всякий труп грешного человека. Сто слишком лет белянские иезуиты—базилиане и паписты—поляки играли, как куклой, мнимыми мощами лжемученика Иосафата, уловляя чрез них русский православный народ в унию и латинство, а когда открылось, что они пользуются трупом неизвестного своего собрата не только для религиозной пропаганды, но и для политической агитации против Русского правительства, проповедуя с церковной кафедры и внушая на исповеди легковерному народу, что мнимый священномученик Иосафат, мощи которого

---

⁸⁵ Портрет его можно видеть в VIII т. Памят. русской старины,

якобы нетленно почивают, убит за правую веру москалями-схизматиками и тем производили волнение в народе, то правительство распорядилось в 1874 году зарыть помянутый труп в землю.

Одновременно с мнимыми мощами Кунцевича, выставленными для поклонения в г. Беле, были изобретаемы базилианами—иезуитами подобные мощи и выдаваемы за реликвии Кувцевича и в других местах западного края. Так, в Витебске показывалась народу часть руки его, которая занесена была сюда генералом базилианского ордена Процевичем и положена в церковь⁸⁶.

В Полоцке во 2-й половине 18-го столетия (следовательно, когда труп Кунцевича был отсюда уже взят и находился в Беле), в Софийском соборе, в приделе, устроенном во имя его, стояла бронзовая гробница с серебряными украшениями, а сверху её образ Кунцевича. Базилианские монахи распускали молву в легковерном народе, что в этой гробнице почивают мощи Иосафата. Ежегодно, в день его праздника, эту гробницу выносили на средину церкви для поклонения; но ее никогда не вскрывали, и никто не видел заключенных в ней мощей. Когда же после воссоединения Холмских униатов в семидесятых годах текущего столетия убрали эту гробницу в

---

⁸⁶ Памят. Рус. Стар. VIII т., 394 стр.

ризницу и вскрыли ее при свидетелях, в ней оказались некоторые облачения, принадлежавшие Кунцевичу, и клочок волос не известно чей⁸⁷.

---

⁸⁷ Вест. Юго. Запад, и Запад. России II, стр. 90.

VII.

Культ латино-польского святого мученика Иосафата—как известно, распространялся на Руси всякими злокозненными ухищрениями отцов базилиан. В то печальное время враги православия воспользовались именем и реликвиями этого фанатика-изувера для своих целей—латинизации православной церкви и полонизации русского края. Позорное имя мучителя, понёсшего заслуженную казнь за свои злодеяния, прославленное приспешниками римской курии, послужило объединяющим центром для всех враждебных православию и русской народности элементов, во всем западнорусском крае. Мучитель народа, преобразованный по милости папы в священномученика и украшенный от иезуитов сиянием святости и христианского подвига, привлек симпатии многих к унии и тем располагал их к латинству и польщизне. Почитатели памяти лжемученика устроили ему храмы (напр. в Страдече), посвящали в честь его приделов, сооружали образа и хоругви, строили часовни, составляли ему службы, устроили в честь его торжественного празднества с крестными ходами, колокольным звоном, пением в честь его гимнов, произносили хвалебные ему речи, развозили, но Литве и Белоруссии его мнимые мощи. При этом всем и всегда проповедовали, что он убит москалями-схизматиками за свою правую веру, за что

получил, по милосердию папы, славный мученический венец на небе, какая награда ждет и каждого, кто примет унию, окажет свою преданность римскому апостольскому престолу и проявит деятельное «сочувствие Польше». Такими кощунственными действиями и обольстительными речами базилиане, или что тоже—иезуиты, насколько располагали русский православный народ к латинству и полонизации, настолько возбуждали в нем племенную вражду к своим родным по крови и вере, но стойким в вере и самобытности своей, и тем силились расшатать основы русской государственности. Религиозно-политическая пропаганда против православия, русской народности и русского государства, сопровождаемая торжественным чествованием Кунцевича в западном крае, особенно усилилась со времени разделов Польши (с 1772 г.), которые довершили окончательное падение расшатавшегося политического строя этого анархического государства, которое воодушевляясь религиозным фанатизмом своего иезуитского духовенства и поддерживалось беспорядками правящего шляхетного слоя. После первого раздела, в конце протёкшего столетия, старанием настоятеля Бельского монастыря Тимофея Щуровского открыта была (1792 г.) женская община „иосафаток“, которые сообща с базилианами опоячивали народ и старались довести

его до слепой покорности латинству⁸⁸. Но как базилиане, так и „иосафатки“, будучи врагами государственного спокойствия, законности и порядка и противниками царствия Божия на земле, больше обольщали себя кажущимися успехами своей пропаганды политической и религиозной; а на самом деле такие успехи были незначительны, охватывали ничтожный район и не могли оказать своего разлагающего влияния на многомиллионный западнорусский православный народ, стойко державшийся богопреданной веры и праотцовских обычаев. Под благотворным влиянием русского правительства, присоединившего к себе по разделах Польши древние русские области, русский народ сейчас начал сбрасывать с себя внешние налеты полонизма и латинства и тысячами возвращался в лоно своей матери церкви. Усердные ксендзовские моления Иосафату Кунцевичу, возносимые не только базилианами, но и католиками, в мятежные тридцатые и шестидесятые годы текущего столетия, не принесли ни малейшей пользы польской справе. Не помог злой мучитель безвозвратно погибшим затеям поляков, направленным к „будованию их ойчизны“ ни прежде, ни после, хотя на последнее повстание против русской законной власти мятежники и благословляемы были

---

⁸⁸ Гродненския Губерн. Ведомости 1895 г., №67.

в Беле поднятой рукою его мнимых мощей в 1863 году⁸⁹.

С разрушением, вследствие разделов Польши, политического её строя, закреплённого некогда Люблинской гражданской унией, неминуемо должен был пасть в западной Руси и мост, соединявший русских с поляками, созданный Брестской унией, число приверженцев которой со дня на день все более умалялось. Рассеивались в западнорусском крае, подобно пару, при свете русских гражданских законов, под крепким скипетром Всероссийских Монархов, воссоединивших под свою державу западнорусский народ, — все хитросплетения иезуитские, которыми они уловляли души православных в латинство и полонизм.

„Непоколебимый соединения (унии) столп“, как называли Кувцевича латинцы, воспевая ему „радуйся“, видимо для всех стал колебаться и не мог уже поддерживать на себе расшатавшегося здания злополучной Брестской унии. Изгнивший столп, как и утверждённое на нем иезуитским лукавством строение, должны были пасть с шумом и рассыпаться в прах, как всякое богопротивное дело лжи и обмана. Чтобы отстранить или по крайней мере замедлить это неизбежное падение, со стороны папы пущено было в ход одно средство, которое имело также и другую

---

⁸⁹ Памяти. Русской старины VIII, 397.

цель—утешить преданных ему поляков, слишком разочарованных неудачами последнего повстанья (1862—63 гг.). Папа, чтобы „насолить России“, решил гонителя и мучителя православного русского народа, фанатика Иосафата Кунцевича, произвести во святые римской церкви, что и исполнил в 1865 году.

В это время произошел дипломатический разрыв по поводу польских дел между русским правительством и римской курией, —и папа Пий IX, кощунственно причислив Иосафата Кунцевича к лику святых римской церкви, торжественно объявляет его патроном и молитвенником Польши. Таким образом состоялась канонизация мучителя, сподобившегося раньше только беатификации от римского первосвященника. „Канонизация эта, как справедливо замечает один историк⁹⁰, не прибавила ни на волос святости Кунцевичу, не увеличила цифры святых и одною единицею, не возвеличила папства, не унизила православия"... „Причисляя к святым Кунцевича папа не только хлопотал о нем самом, о его святости, о святости вообще, сколько о себе, о папстве, о притязаниях своих на господство его в Литве и Белоруссии, о демонстрации против России и православия"... „Не святость жизни, не смирение христианское, не любовь к Богу и ближнему Кунцевича заставили папу про-

---

⁹⁰ Вед. Юго-запад, п Запад. России III, „Канонизация мучителя“.

известии его в святые, а папская политика, человеческие страсти. Не чудеса и не нетление мощей вызвали эту канонизацию, а пропаганда, злость и демонстрация, не для молитвы об отпущении грехов и спасении души сочинен новый святой, а для того, чтобы иметь, так сказать, папского нунция, политического интригана и врага православия и на небе"⁹¹. Но и этот новый папский нунций, в качестве патрона Польши на Руси, не мог оказать никакой помощи ни польскому делу, ни папе, ни униии. Польша безвозвратно сгинула на св. Руси; полонизм, как культурная сила, без насильственных действий иезуитского правительства, а равно также и папство, или латинство, лишенное поддержки со стороны изгнанных из России иезуиток, потеряли все свое обаяние; взлелеянная ими Брестская уния исчезла, оставив только по себе горькие воспоминания. Менее чем чрез десять лет после канонизации мучителя не осталось после неё и следа на Руси (1873 г., с воссоединением Холмских униатов).

Все отторгнутые некогда насилием, воссоединялись теперь любовью. Таким образом „вековое заблуждение“, скажем словами воссоединителя Холмских униатов (воссоединённых последними), преосвященного Маркелла, рассеялось пред светом истины: уния, введенная некогда насилием и хитростью, исчезла, как исчезает

---

⁹¹ Там же.

всякое дело обмана, и Холмская Русь опять стала верить, как веровали её предки".⁹² Вместе с этим чудесно исполнилось пророчество св. преподобномученика Афанасия Брестского, замученного иезуитами и униатами в Бресте, за исповедание истинной веры в 1648 году, 5 сентября. Окованный в железо и ведомый на умершение, преподобный Афанасий, пред мученической кончиной своей, увещевая православный народ твердо держаться истинной веры, изрек между прочим следующее: „Отступники от св. веры еще не малое время будут преследовать исповедников небесной истины, правая вера поборников. Но придет время, возлюбленнии, когда неверие и не правоверие, воюющия на св. православную церковь, будут посрамлены. Церковь православная, хотя будет в великом гонении от отступников святая истины, о себе мудрствующих, но потом процветет, яко крин посреде терния и яко искра, в пепле зарытая, явится, возсияет и повсюду осветит. В г. Бресте, где тело мое сие, израненное и острупленное за имя Божие, положено будет, тамо и во окрестных местах никогда собрание отступников от св. восточной веры вредить не может до конца, козни врагов будут бессильны, даже до последнего изречения праведнаго Судии-Христа. Аминь“.⁹³

---

⁹² Подольские Архипастыри стр. 74.

⁹³ Св. Преподобно-мученик Афанасий Брестский 10 стр.

Эти пророческие слова изречены были почти двести пятьдесят лет, тому назад, чрез 50 лет после объявления Брестской унии, которая, поддерживаемая всем тогдашним латино-польским государственным строем, была еще в силе и славе, и когда о падении её никто не мог и помыслить; а между тем, как непостижимо дивно исполнилось пророчество святого Афанасия до мельчайших подробностей: неверие и не правоверие во всем западно-русском крае посрамлено, а истинная православная вера, как предсказал св. Афанасий, претерпев страшные гонения от иноверцев и отступников, процвела как крин, воссияла и повсюду осветила. В Бресте и в окрестных местах Белоруссии, Литвы, Малороссии, Холме „козни врагов“ св. веры оказались бессильны. Бывшие униаты, отторгнутые некогда от матери своей православной церкви лестью и насилием, все воссоединились с ней любовью и даже уже успели (в 1889 году) благолепно отпраздновать-полувековой юбилей своего воссоединения.

VIII.

С изгнанием из России иезуитов, с закрытием базилианских монастырей, с падением злополучной Брестской унии, с разрывом дипломатических сношений с римской курией, с возрождением в западнорусском крае русской самобытности, под благодетельным влиянием природной русской власти, римскому первосвященнику, во все времена стремившемуся подчинить своему апостолическому престолу русский православный народ и никогда не успевавшему в этом, при никогда не угасавшем в нем желании поработить себе православный восток, ничего другого не оставалось, как перенести сферу своего латинского влияния на единственный русский уголок, принадлежавший некогда русским князьям, потомкам св. Владимира, во по историческим обстоятельствам, во время разделов Польши, не воссоединённый к России, а очутившийся во власти католической Австрийской державы, именно древний Галич, или Червоную Русь, нынешнюю Галицию, с коренным русским населением, куда, под крыло папистической Австрии, ушли из западно-русского края все недовольные заводимыми здесь русским правительством порядками и где нашли себе приют все враждебные России элементы.

Галиция, отвергшая Брестскую унию в лице своего достойного епископа Гедеона Балабана, подписавшего протестацию против неё (9 октября 1596 года), в день её объявления, —сто слишком лет потом вела непрестанную борьбу с латино-польскими влияниями, мужественно отстаивая свою народную самобытность и православную веру; но под давлением неблагоприятных политических обстоятельств— должна была постепенно склоняться на унию с Римом и, наконец, приняла ее в 1700 году. С этого времени начали заводиться в ней такие же порядки, клонящиеся к олатинению православной церкви и ополячению русского народа, какие сто лет раньше уже практиковались в западнорусском крае. И здесь работали те же иезуиты, видевшие в унии не более, как мост к латинству; трудились те же базилиане, подражавшие во всем иезуитам и действовавшие то насилием, то хитростью во вред русской народности; восчувствовалось скоро и в Галиции то же давление польских правителей, которые допущены были и здесь австрийским правительством к такому же хозяйничанью, какое вели раньше в русских областях, воссоединённых к России, после разделов Польши. К довершению сходства, в Галиции, так же, как в Литве, Малороссии и Белороссии, по благословению папы, введен был и культ Иосафата Кунцевича, назначенного папой патроном как Галицких униатов, так и латинян-поляков; и

здесь велась почти двести лет такая же ожесточенная борьба между православно-русским и латино-польским элементами, какая раньше имела место в нашем западном крае, с той разве только разницей, что на Руси весь интерес борьбы для ляхов-иезуитов сосредоточивался на том, чтобы из православного русского человека сделать униата, т. е., отщепенца родной веры и отечественной церкви; в Галиции же в настоящее время те же враги все усилия напрягают к тому, чтобы русского галичанина-униата сделать латинцем-поляком. Сообразно с этими целями с течением времени и самый характер этой религиозно-национальной борьбы должен был несколько видоизмениться. Во время оно употреблялись более меры грубого насилия над православными (так наприм., преподобного Афанасия Брестского долго мучили в темничном заключении, склоняя на унию, а потом убили); — теперь же стараются действовать те же враги более современным орудием — политическими интригами и лестью. Вот что говорит об этом компетентный русский галичанин:⁹⁴ „Борьба иезуитов и поляков с Галицкой Русью — это борьба римской церкви с православием, польской народности с русской, запада с востоком. Но эту борьбу, не так легко проследить. Она совсем не походит ни на открытое гонение христиан в Риме, во время Нерона, ни на преследования

---

⁹⁴ Галицко-русский Вестник 1894 г., август, № 1, стр. 27.

протестантов, или гусситов в средние века. Работа окатоличения и ополячения русского населения Галичины ведется непрерывно и систематически, но, как говорится, „шиито-крыто“, на основании будто-бы строгой законности и под видом охранения унии и русской народности. Убедившись, что ополячение Галицкой Руси не мыслимо без одновременного окатоличения, или вернее олатинения, униатской церкви, поляки, в союзе с Римом и австрийским правительством, решили во чтобы-то не стало сломать эту опору русской народности. Цели у этих трех союзников совершенно различные; но каждый из них имеет свой особый интерес в ослаблении, или же в совершенном уничтожении униатской церкви посредством полного её слияния с римско-католической. Поляки смотрят на унию с чисто политической точки зрения. Латинизация униатской церкви, постепенно отчуждая униатов от православия и русского мира, тем самым приближает их к польскому лагерю. Чем более униатский обряд будет олатинизирован, тем ближе униаты будут к Польше, пока наконец совершенно не сольются с нею. Рим, не покидающий несбыточной мечты покорить под иго папизма весь православный восток, а в особенности Россию, и имея таких советников по униатским делам, как непримиримейший враг России, кардинал Ледоховский, одобряет все меры, предполагаемые поляками в отношении униатской церкви, предполагая, что они поднимут её

значение и престиж и со временем могут осуществить надежду папы Урбана, выразившуюся в знаменательных словах: „o mei Rutheni, ego per vos orientem spero convertendum» (о, мои русские, надеюсь с вашей помощью воссоединить восток). Австрийское правительство, прижатое к стене разными народностями монархии Габсбургов, нашло себе опору в поляках. Отдав им за то почти в бесконтрольное распоряжение Галичину, правительство радуется ослаблению русского элемента, придерживаясь того мнения, что чем меньше в Галичине русских, тем это лучше для Австрии. И нужно ли еще удивляться тому, заключает русский галичанин, что галицко-русская церковь, эта единственная охранительница русской народности, подвергается всевозможным преследованиям и оскорблениям".⁹⁵

И поможет Галицкая церковь не подвергаться,—заметим мы от себя,—всевозможным преследованиям и оскорблениям, потому что вся разоблаченная русским правительством латино-польская иезуитская интрига против православного русского народа свила себе гнездо в Австрийской Галиции и постепенно опутывает русских галичан, чтобы, убив в них русскую самобытность, выражением которой служит здесь церковный славянский обряд, переродить их в

---

⁹⁵ Там же, стр. 28.

истых фанатиков-поляков и тем порвать родственную связь их с Великой Россией.

Во главе 3-х-миллионного галицкого русского народа поставлен теперь (с 1882 г.) в звании униатского митрополита Сильвестр Сембратович, послушнейшее орудие в руках папы, иезуитов и поляков, достойнейший соревнователь: Поцея, Рутского, Кунцевича и им подобным отщепенцам. Церковная история Галиции последнего времени отмечает много его предательских действий, совершенных им в угоду Риму и полякам, по наговору иезуитов, с целью разорения униатской церкви и ополячения русского народа. Из них укажем главнейшие.

В 80-х годах текущего столетия, со вступлением Сильвестра Сембратовича на митрополичью кафедру, введены во все Галицкие монастыри иезуиты, с целью преобразования их и устройства при них училищ, как было в свое время в нашем западном крае. За воспитанниками этих школ по преимуществу и почисляются приходы в Галиции. Какого направления эти школы, какого духа их воспитанники и чего может ожидать русская народность от них, -это достаточно известно из просветительной деятельности иезуитов во всех странах и во все времена. Иезуитские воспитанники эти допущены также митрополитом на места и должности проповедников в духовных семинариях. Униатская духовная семинария в Вене закрыта, а оставшиеся за

закрытием её фонды употребляются для стипендий Галицких кандидатов духовного звания в Фрибурге, Швейцарии и Риме, куда они высылаются в иезуитские университеты для приготовления к наставническим должностям в епархиальных семинариях (во Львове, Перемышле и Станиславове). Чему будут учить эти наставники, воспитанные иезуитами, также известно. По совету иезуитов, заведены в русских приходах Галиции миссии, которые ведутся католическими миссионерами и теми же иезуитами. Миссионеры эти не столько занимаются нравственными и религиозными вопросами, сколько политической пропагандой. Их проповеди, замечает галичанин, суть политические памфлеты на православие и Россию. Устраивая миссии преимущественно в пограничных с Россией округах Галичины, они пугают народ „москалями“, говоря, что, в случае войны, они обратят костелы и церкви в конюшни, будут резать детей, жен и т. п. Этими баснями иезуиты демократизируют русское население, возбуждая в нем племенную вражду и фанатизируют латинцев поляков. По внушениям иезуитов, Сильвестр Сембратович недавно воздвиг гонение на „восьмиконечные“ кресты, называя их „схизматическими“, а административная власть распорядилась, чтобы жандармы строго следили за тем, чтобы прихожане не сооружали, а священники не освящали подобных крестов. Бывали и такие случаи, что по распоряжению гражданской власти поперечные

концы восьмиконечных крестов обрезывались, что жандармы тайно ночью уничтожали их, что польские помещики снимали их с униатских церквей, а защитники крестов попадали в тюрьмы. По воздействиям польских политиков, митрополит этот запретил своему духовенству выписывать галицко-русские газеты, отстаивающие русскую народность и выступающие против вмешательства поляков и иезуитов в дела русской (униатской) церкви и народа; мало того, Сембратович жестоко преследует священников, читающих русские газеты, лишая их знаков отличий и должностей, особенно тех, которые при выборах дают свои голоса за русского кандидата, а не польского ставленника. Служа послушным орудием в руках поляков и иезуитов, митрополит Сильвестр Сембратович, чтобы угодить папе и выслужиться пред Римом, иногда превосходит даже своих учителей в измышлении мер, служащих к скорейшему олатинению униатской церкви. Так, на Львовском провинциальном соборе (1891 г.), этот митрополит предлагал, между прочим, следующие меры: сокращение чина всенощной, утрени и литургии по латинскому образцу; принятие в святцы униатской церкви некоторых латинских святых, в том числе Игнатия Лойолы и великого инквизитора Торквемады, а также введения безбрачия духовенства. Питая глубокую преданность папскому престолу, он ввел в литургию св. Иоанна Злато-

уста особую молитву за папу и приказал вверенному духовенству прочитывать ее после заамвонной молитвы.⁹⁶

Эта преданность вынуждала Сембратовича предпринимать поездки в Рим, лобызать папские туфли, а может быть, ввела в обман и „непогрешимого“ на счет истинных чувств к нему русского народа, побудив его издать последнюю энциклику о соединении церквей, в которой весь православный восток любезно приглашается принять папское иго.

Чтобы выставить во всей оболъстительной прелести это папское ярмо и тем привлечь к подножию трона римского первосвященника не только Галицкий русский народ, но и весь православный восток, латино-польская иезуитская партия в Галиции задумала устройство грандиозного праздника во Львове по поводу истечения 300-летней годовщины унии, объявленной в Бресте 1596 года, хотя тогда той же Галицией непринятой и даже анафематствованной. В ознаменование же и для всегдашнего воспоминания о совершенном некогда в Бресте акте грубого насильственного соединения русских с поляками на церковной почве, та же партия затевает основание института имени Иосафата Кунцевича, этого „непоколебимого столпа“ унии,

---

⁹⁶ Подробнее о положении галицко-русской церкви можно читать в „Скорбной летописи Галицкой Руси“ в Галицко-Русском Вестнике за 1894 год, № 1.

неожиданно для всех очутившегося в римских святцах вместе с Лойолой и Торквемадой и назначенного папой патроном Польши. В запроектированном институте решено уже теми же незваными радетелями о благе русского народа давать воспитание русскому юношеству в духе Кунцевича, т. е., в слепой приверженности папству и латинству, самоотверженной преданности польщизне и фанатической ненависти ко всему русскому.

Таким образом, новейшая латино-польская интрига против русского народа, прикровенно именуемая 300-летним юбилеем Брестской унии, приготовления к которому начались еще в протекшем 1895 г., с усиленным прославлением изувера-фанатика Иосафата Кунцевича, имеет очень прозрачный смысл: шумом и блеском юбилейных празднеств, очевидно, предполагается затуманить здравый смысл русского народа, затемнить и, если можно, вышибить из народного сознания сложившееся веками крепкое убеждение, что расхваливаемая Брестская уния преследовала всегда непохвальную цель — незаметно довести православный народ, чрез слияние греческого с латинским обрядом, или точнее—чрез поглощение первого последним, до потери им национальной самобытности. Усилившимся в последнее время чествованием фанатика Кунцевича, хотя по плоти русского, но по духу совершеннейшего латинца, возведённого

папой в патроны Польши, очевидно, иезуиты замышляют расположить русских галичан к подражанию деяниям этого изувера во славу папы и на пользу польской sprawy, желая дать понять руссинам, что ежели бы для кого ни будь из них измена веры и народности и сопровождалось такими же печальными последствиями, как для Кунцевича, со стороны русского народа; то во власти „непогрешимого“ папы, завладевшего насильно ключами св. апостола Петра, всегда находится вернейшее средство к успокоению его на лоне Игнатия Лойолы и Торквемады, вместе Иосафатом Кунцевичем. Весь католический мир, послушный папе, станет такого изменника славословить и прославлять и даже молиться ему, как святому, на устроенных во имя его алтарях. Предположенным же устройством института во Львове памяти Кунцевича для увековечения унии ясно для всех дается попятить, что на древний русский Галич закидывается поляками-латинянами мертвая петля, долженствующая задушить его в объятиях Рима, перевоспитав и переродив подрастающее поколение галицкого русского народа в папистов-поляков, столь враждебных православию и России.

Протоиерей Павел Федорович Викул

РЕЛИКВИИ ИОСАФАТА КУНЦЕВИЧА

Город Белая, Седлецкой губернии, издавна был городом русским¹. Жители его, как и большая часть жителей Подлясья, принадлежат к племени малорусскому, говорят малорусским наречием и сохранили нравы, обычаи и образ жизни, свойственной малороссам. В старину, конечно, было то же самое.

Еще в 1582 году в Белой была построена православная церковь во имя Рождества Приснодевы Марии, а церковно-приходские книги и летопись писались на русском (книжном церковнославянском) языке. Эти книги и летопись сохранились до наших дней и поучительно говорят о том, что настоящий город есть не Бяла, как его называли в последнее время, а Белая. Подлясье представляет этнографическую окраину русского народа и рано сделалось ареной, а Белая—центром пропаганды католичества и поло-

---

¹ Современный город Бяла-Подляска (Biała Podlaska) в Польше, входит в Люблинское воеводство, расположен недалеко от белорусско-польской границы, примерно в 40 километрах от Бреста. (Примечание редакции проекта «Западная Русь»)

низма. В 1596 году, когда в Бресте состоялся известный собор, Подлясье первое начало испытывать на себе всю тяжесть национального и, преимущественно, религиозного давления со стороны соседнего польского населения. Церковная уния в первый раз была введена в Белой в 1640 году, то есть, не позже как пятьдесят лет спустя после Брестского собора. Какими средствами вообще вводилась уния, это достаточно известно образованному миру, а что касается Подлясья и в частности Белой, то это прекрасно изображено г. Е. Крыжановским в Холмском календаре на 1870 год. В первой половине XVIII века уния была окончательно введена на Подлясье и вытеснила оттуда православие. С целью поддержать унию, усердные пропагандисты её и открыли в центре Подлясья—Белой реликвии Иосафата Кунцевича.

Религиозная пропаганда в Подлясье достигла успеха. Несчастливая горсть русских, отрезанная от остальной русской семьи политическими обстоятельствами, почти забыла свое национальное и религиозное сродство с великим русским народом и утратила память о своем прошлом: все жители Подлясья теперь униаты и преклоняются пред останками того самого Кунцевича, который убит их отцами за измену своей религии, за принятие унии. Но если простой народ не понимает еще опутывающей его мистификации, то

долг всякого гражданина нашей страны—вносить свет в прошлое забытого нами, хотя и родного края.

Посетив город Белую в качестве туриста, я не преминул зайти в церковь, где находятся реликвии Иосафата Кунцевича. Они лежат на видном месте, в гробе, который снабжен тремя окошками. Благочестивые посетители церкви поднимаются по ступенькам, засматривают в окошечки гроба и прикладываются к стеклу окошек. Я последовал примеру других, и опишу здесь картину, которую видел. Если смотреть в окошко, расположенное в передней части гроба, то виден целый труп, одетый в священное облачение. Прежде всего представляются ноги, обутые в сапоги с кожаными подошвами; один из сапогов представляет на тыльной поверхности глубокою впадину, как будто в нем пет ноги. На груди лежит рука; кисть руки обнажена, кожа на ней черная с весьма крупными складками, что свидетельствует об исчезании жидких частей и о высыхании. На руке недостает большого пальца и мизинца. На голову надета митра. Лице чистое, глаза запавшие; волос нет ни на бороде, ни на губах, ни на боковых частях лица. Живот впавший².

---

² Ближе и точнее осмотреть реликвии невозможно, потому что гроб заперт и запечатан; а ключи и печати хранятся в Холмской униатской консистории.

Окошечки в гробе расположены так, что одно из них находится в передней части гроба, и в него хорошо видны ноги, руки, грудь и даже лицо реликвии. Другое окошечко расположено сбоку, так что в него видна кисть правой руки. Третье окошечко находится у изголовья, но оно закрыто митрой, и через него нельзя ничего видеть. Каждое из окошечек величиною около 1/4 квадратного фута.

Виденная мною картина возбудила мою любознательность, особенно потому, что лицо реликвий было без волос, тогда как униатские епископы и священники времен Иосафата Кунцевича, сколько мне известно из истории, носили бороды, да и сам Кунцевич нарисован с бородою на иконе, стоящей над его гробом в Бельской церкви. Подобным образом, к недоумению привел меня и запавший сапог на правой ноге.

Случай помог мне познакомиться с некоторыми древними документами, касающимися судьбы реликвий Иосафата Кунцевича. Я излагаю эти документы в хронологическом порядке:

В 1650 году, августа 13-го дня, следовательно, чрез восемь лет после причисления Кунцевича к лику блаженных, папский нунций Иоанн де Торрес (Johannes de Torres) делает строгое внушение Полоцкому духовенству о сохранении останков Кунцевича, в виду того об-

стоятельства, «что тело блаженного, положенное с великою почестью в Полоцкой церкви, со дня на день все более и более уменьшается, так что может, наконец, превратиться в ничто»³. Из этого документа видно, что тело Кунцевича подвергалось посмертным изменениям с исходом в постепенное, медленное исчезание (*decescere*). Это было еще в Полоцке.

В первое десятилетие XVIII века реликвии Кунцевича появляются в Белой, в домовый каплице Радзивиллов, и остаются тут слишком 60 лет, именно до 1769 года, когда они были перенесены в униатскую церковь и поставлены открыто для общего поклонения. Этот шестидесятилетний период представляет самую темную главу в истории реликвий. Документы, относящиеся к этому времени, крайне неточны и несогласны между собою относительно самых важных пунктов, именно состава реликвий, времени их перенесения и места, откуда они перенесены, такт, что подлинность реликвий слишком шатка.

---

³ „Ad notitiain nostram devenit,“ пишет он, „corpus Beati Josaphat Archiepiscopi Polocensis Ritus Graeci repositum in ecclesia cathedrali Archiepiscopali Polociae cui magna fidelium veneratione in dies (Jecrescere et inveniunt....Desiderantes ne tractu temporis tam insignis reliquia sive tam eélebre Beati corpus in nihilum redigatur“ и пр. (Арх. Бельск. церк. рукоп. Fasciculus 4-й).

Над престолом, на котором стоит гроб с реликвиями Кунцевича, находится давняя таблица, в которой перечислены в хронологическом порядке главные события из истории Кунцевича. В этой таблице написано, что реликвии перенесены в Белую из Полоцка в 1704 году, по другому найденному нами документу видно, что часть реликвий и вещей, к ним относящихся, получена из Витебска и взята потом обратно в Витебск в 1715 году нарочно присланным для этой цели протоархимандритом Процевичем⁴.

---

⁴ Процевич дал следующую расписку в получении взятых вещей: «Сим удостоверяю, что, прибыв к ясно-освеценому князю канцлеру великого княжества Литовского в Белой, я получил обратно (odebrałem) из мощей блаженного мученика Иосафата часть руки, именно от сустава до локтя, принадлежащую Витебской церкви (partem maims to jest od sustawy do łokcia liależącej do Cerkwi Witepskiej). Во-вторых, я взял образ Пресвятой Девы Ушацкой в серебряной ризе без рам, а также два старые платка для покрывания этой иконы; я вынул, из гробницы все это (wziąłem z trąny). В-третьих, я взял икону Пресвятой Девы Черейской, завернутую в покрывало; я вынул ее из гробницы, равно как и связку с облачениями, относящимися к этому образу. В-четвертых, я взял большой крест с частицей древа Креста Господня; это также вынута мною из гробницы св. Иосафата (także wyjęto z trąny S-go Jozafata). В удостоверение чего и подписываюсь, в Белой, октября 21-го дня 1715 года. Базиль Процевич протоархимандрит (manu propria)“.

(Рукопись архива Бельской церкви, fascic. 4, № 10). Любопытно сличить эту расписку с реестром вещей, находившихся при реликвиях, писанном 21-го января 1707 года. (Rejestr rzeczy znajdujących się przy Świętym Jozafacie Męczeniku spisany roku 1707 dnia 21 Januarii, oddanych w depozyt Jj. Oo. Xiążętom Radziwiłłom). Вещи эти записаны под девятнадцатью номерами. Под № 1-м записан образ Пресвятой Девы Ушацкой с серебряною оправой без рам, при ней две заслонки; под № 2-м образ Пресвятой Девы Черейской, при нем связана с ризами (węzeł), принадлежащими к тому ж образу; под № 3-м большой серебряный крест с частицею древа Креста Господня; под № 4-м митра св. Иосафата из красного бархата с камнями в ней, из которых, каждый точно описан; под № 5-м омофор епископский и два бархатных нарукавника. Затем под №№ от 6-го до 18-го включительно записаны тридцать священнических риз, из них две латинские; под № 19-м записано несколько платков, полотенце, три пары подсвечников больших и пара меньших, сосуд для вина, и, наконец, предпрестольный коврик. (Рукоп. арх. Бельск. цсрк. Litera II fascicul.

По третьему документу, реликвии получены из Полоцка с окончанием войны (Польши с Шведами), следовательно, не раньше конца 1706 года. Документ этот любопытен во многих отношениях, и мы приводим его целиком. Он носит название: «Известие о св. Иосафате, архиепископе Полоцком, нашего ордена, как он доставлен в Белую и по каким причинам перенесен из замковой каплицы». ⁵

Этот легендарный документ писан задним числом (1778 г.) и предназначался для князей Радзивиллов. «Еще в Полоцке»—так говорит этот документ—«по убиении св. Иосафата, он творил много чудес: воскресал мертвых, давал зрение слепорожденным и даже избавил от смерти самого папу Урбана VIII, за то и причислен к лику блаженных. Но когда Петр Алексеевич взял Полоцк (gdy Petr Alekxiewicz opanował Polock)⁶, то хотел сжечь Иосафата на костре, вместе с замученными им монахами. Наши, видя такую ярость схизматиков, тайно вывезли из Полоцка реликвии и отдали их нашему протектору, князю Карлу Радзивиллу, канцлеру великого княжества Литовского, прося его сохранить святого на время войны. Этот благочестивый князь возил реликвии при себе в течение всей войны,

---

⁵ „Wiadomość o St. Jozafacie Arcy-Biskupie Polockim zakonu naszego jakim sposobem dostał się do Biały i dla czego z zaniku przeniesiony“. (Рукоп. арх. Бельск. церк. fascicul. 6-й).

⁶ Известное занятие Полоцка Петром I 30-го июня 1705 года, в качестве союзника короля Польского против Карла XII.

имея для хранения реликвий одного монаха нашего ордена, у которого постоянно находились ключи от гробницы (przy którym klucze od trŕny zawsze byli). С окончанием войны, князь канцлер положил святого в Белой в замковой каплице, при чем один ключ от гробницы был постоянно у князя, а другой у супериора нашего монастыря, так что один без другого не мог открывать гробницы».

Читая это описание, нельзя не обратить внимания на то усердие, с каким рассказчик хочет доказать, что гроб с реликвиями был тщательно берегаем, так что даже лица, имевшие к нему доступ, контролировали друг друга. Очевидно, что вера в подлинность реликвий не была тверда, даже у современников. Были ли реликвии открыто положены в Бельской замковой каплице, или же лежали они под спудом, неизвестно. Знаем только, что в 1769 г. они находились под спудом, в пространстве, наглухо заделанном (międy dwóma mŕami na-głucio zamurowany), как говорит та же „Wiadomoŕ o St. Jozafacie“. Из этого наглухо заделанного пространства реликвии были вынуты Ледзеевским в 1769 году. „Wiadomoŕ“ размазывает об этом так: «Во время последней революции (то есть, колиивщины 1768 г.), когда яснеосвецоный князь Канцлер (Карл Радзивилл) оставил нас сиротами, многие сильно хотели взять св. Иоса-

фата из Белой. Прежде всех архиепископ Полоцкий хотел взять в Полоцк, потом князь Чарторыйский к себе, князь Сапега к себе в Рожанку, для чего соорудил каменный костел и сделал гробницу из чистого серебра ценою в 60.000 талеров. Москва хотела взять святого к себе в Киев. И, наверное, его реликвии были бы вывезены из Белой, если бы ксендз Андрей Ладзеевский, суперитор Бельский, не поспешил взять их; потому что святой не мог, быть более скрывается: в замке видимы были необыкновенные огни, слышалось дивное пение, колокольчик звонил сам собою. Вследствие этого, ксендз Ледзеевский достал святого чудесным образом: но святой был так мокр, как будто вынут из воды, даже одежда на нем вся сгнила, так что он едва в течение четырех недель мог быть высушен. Во все это время благочестивый ксендз (Ладзеевский) перенес много хлопот, скрываясь по разным местам со святыми реликвиями».⁷

Если предписание папского нунция де Торреса делает несомненным, как мы видели выше, существование посмертных изменений в останках Кунцевича, то приведенный сейчас документ указываем, на самую сущность этих изменений, на так называемое влажное разложение,

---

⁷ „Cudownie świętego wydobył, ale tak mokrego, jak by z wody był wyjęty, szaty nawet pogniły, którego ledwo w 4 niedzieli dosuszono się. Ten xiedz pobożny dość zażył trudów kryjąc się z ss. relikwijaini po różnych miejscach“. „Wiadomość o St. Jozafacie“, из арх. Бельск. цер. fascic. 6.

и на ту обработку, какая нужна была для остановки этого процесса, и какая действительно была выполнена посторонними руками.

Приготовленные таким образом реликвии были открыто поставлены для общего поклонения. Но спрашивается, как ведено было все дело открытия реликвии? „Secretissimé“, говорит М. Рыло, епископ Холмский⁸. „Bez żadnej introdukcji“, замечает в свою очередь „Wiadomość“. То есть, все было сделано тайно, без всяких религиозных, церемоний. Что же побудило тогдашних представителей церкви совершить такой важный акт, как признание трупа довольно изменённого за реликвии, за предмет священный, без всяких церковно-юридических формальностей, предписываемых как гражданскими законами, так и церковными канонами? Такой способ действия не может не подрывать веру в подлинность реликвий, не может не набрасывать мрачную тень на лица, взявшие за это дело. Не забудем при этом, что это дело совершено в то время, когда русское население края находилось в паническом страхе, наведенном кровавою расправою в Кодне (вблизи Белой), и менее всего было способно на какой бы то ни было протест против внесения в униатскую церковь останков, хранившихся прежде в католической каплице.

---

⁸ Научовый сборник Пегцрушевича. Львов, 1867 года, выпуск 1-й стр. 1.

Несмотря на это, однако ж, открытие реликвий произвело брожение умов в современном обществе. Мысль о том, что показываемые реликвии подложны, была так сильна, что М. Рыло был вынужден издать в Белой, по настоянию суперiorsа Бельского монастыря, заверительную грамоту о том, «что тело, лежащее в церкви отцов базилиан (нынешняя униатская церковь), есть то самое, которое находилось прежде в каплице Радзивиллов (*quod corpus antehac in praelaudata depositum colebatur, id ipsum nunc in ecclesia patrum ordinis Basilii publico, fidelium cultui expositum conspicitur*).⁹

С открытием реликвий Кунцевича для всеобщего поклонения оканчивается полный таинственности период их истории и начинается другой, более богатый письменными документами.

В 1780 году папский секретарь Стефан Борджиа пишет предписание из Рима (*Rescriptum Sanctae sedis*)¹⁰ протоархимандриту базилиан в Белой. Предписание это требует, чтобы реликвии блаженного мученика Иосафата были тщательно сохраняемы (*accurate custodiantur*), под двумя ключами, и чтоб были делаемы ревизии чрез протоархимандрита и суперiorsа монастыря, с целью осмотра и перемены одежды

---

⁹ Народный сборник Петрушевича. Львов, 1867 г. вып. 1, стр. 1,

¹⁰ Рукоп. арх. Бельск. церкв. fascic. 4.

(visitare, operirc, vestes mutare). Согласно этому предписанию, в 1780 году была сделана первая ревизия реликвий Кунцевича супериором Бельского монастыря Теофилом Серафиновичем, который предварительно дал присягу в том, что «он не употребит во зло предоставленного ему Римом права осмотра» (facultate mihi data, a Roma non abutar). Осмотр был совершен при участии медика Иосифа Антония де-Карреса, при чем присутствовали также базилианские иеромонахи, князь Иероним Радзивилл и другие. Медик должен был произвести свой осмотр не по правилам медицинской науки, а по данной ему узкой программе. Он говорит: «Мне было предложено осмотреть с анатомической точки зрения (ut oculo anatomiko inspicerem) священные реликвии мученика Иосафата и описать по совести медика-христианина (sub fide christiano-medica) то, что недостает из органов и частей, составляющих священный труп (sanctum cadaver) ... «Я выполнил», продолжает он, свою обязанность, и что недостает, почтительнейше при сем отмечаю: 1) на правой руке нет кожи, мягких частей или мускулов; на кисти этой же руки недостает перстневого пальца; 2) на левой руке нет локтевой и лучевой костей, а также всей ручной кисти; 3) позвонков грудных и поясничных, а также всех ребер нет; 4) икряных мышц вместе с общими покровами нет; 5) надпяточной кости вместе с костями пятки и плюсны и флангами пальцев на обеих ногах нет. Само собою разумеется,

что там, где нет костей, недостает вместе с тем кожи, мягких частей или мускулов, нервов, сухожилий и связок».

Осмотр этот носит название: «*Revisio anatomica corporis Beati Josaphat*». ¹¹

Акт осмотра крайне недостаточен и с медико-юридической точки зрения не имеет значения: в нем не указаны ни пол, ни рост исследуемого, не описаны общие покровы тела, а главное, ни одним словом не упомянуты так называемые в судебной медицине повреждения, между тем как известно, что Иосафат Кунцевич умер насильственной смертью, и повреждения, сделанные ему, записаны пером и кистью и могли бы служить важным документом для определения подлинности реликвий. Наконец, в акте ничего не сказано о тех изменениях, какие были произведены в реликвиях силами природы и посторонними руками, на что ясно указывают выше приведенные документы. Все эти подробности должны были бы войти в акт медицинского осмотра, как непременная составная часть, и если не вошли, то единственно потому, что медик был ограничен программой: описать то чего недостает». Что медицинский осмотр имеет важное значение в деле реликвий, это не подлежит сомнению, и это было хорошо сознаваемо лицами, принимавшими участие в деле реликвий

---

¹¹ Рукоп. арх. Бельск. церкв. fascic. 4.

Кунцевича. Замечательно, в самом деле, что все последующие ревизоры, делавшие осмотр реликвий Кунцевича в 1785, 1797 и 1800 годах, постоянно ссылались на приведенный выше медицинский акт, выражая каждый раз ту мысль, что все найденное ими продолжает быть неизменно в таком же виде, как описано в медицинском осмотре 1780 года.

Но если мы станем вникать в этот крайне изворотливый документ 1780 года, то нас немедленно же поразит несходство реликвий, описанных в нем, с показываемыми теперь в Белой. Мы упомянули выше, что у показываемых теперь реликвий надеты сапоги; следовательно, предполагается существование ног; по описанию же медика де-Карреса, у реликвий не было ног. Далее, по этому описанию, нет ребер и позвонков; следовательно, нет и грудной клетки; между тем у показываемых теперь реликвий грудь есть, судя по тому, что между головой и брюшною частью находится возвышение, соответствующее груди, а не углубление, не впадина, чего следовало бы ожидать при отсутствии грудной клетки. Наконец, странным и необъяснимым остается полное отсутствие волос на лице теперешних реликвий, особенно потому, что волосы не упомянуты в числе недостающих частей де-Каррессом.

Приняв во внимание те данные, которые мы извлекли из приведенных выше документов, мы не можем не спросить себя: можно ли считать

доказанной подлинность реликвий Кунцевича и можно ли устранить мысль об участии человеческих рук в приготовлении нетления?

Сто лет уже прошло со времени открытия реликвий Кунцевича в Белой; но и до сих пор еще живо сохранилась в народе память о том злом насилии, какое было совершено над его религиозной совестью: еще и теперь живет в народе предание, что показываемые реликвии не иное что, как высушенный труп базилианского монаха.

Не народ желал реликвий! Желали и желают их те лица, которые в 1863 году благословляли народ поднятою рукою реликвий и проповедовали тайно и публично, что москали—убийцы святого Иосафата.

Лекарь И. Сикорский.

Реликвіи Іосафата Кунцевича. // «Волинскія Епархіальныя Вѣдомости». №8. Ч. Неофф. 1871. С. 222-232.

Протоиерей Павел Федорович Викул

«Латино-униатский святой Иосафат Кунцевич»
Первоначально издано в 1896 г. в номерах журнала
«Подольские Епархиальные Ведомости» за 1896 год.

Иван Алексеевич Сикорский

«Реликвии Иосафата Кунцевича»
Первоначально издано в восьмом номере
«Волынских Епархиальных Ведомостей» за 1871 год.

Игорь Фёдорович Зеленковский

Редакция и подготовка к изданию

На обложке изображение униатской иконы Иосафата
Кунцевича с топором в голове XVIII ст.
Из коллекции Г.Татура, Львовский национальный
музей.

2021 г. - Проект ЗАПАДНАЯ РУСЬ.
(электронное издание)

